

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

ДЕМОНЫ ОЛИМПА

Мой дорогой злодей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентина Зайцева

Демоны Олимпа:

Мой дорогой злодей

<https://litres.ru/74600049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — дерзкий «демон» академии «Олимп». Она — дочь политика, пытающаяся забыть прошлое. Их первая ночь обернулась катастрофой: видео попало в сеть, сломав Ане жизнь. Теперь Глеб и Аня вынуждены столкнуться вновь. Между ними искрит ненависть и опасное притяжение. Смогут ли два сломленных человека спасти друг друга, когда против них элита, интриги и тени прошлого? Для всех он — опасный бунтарь. Но только она знает, каков он, когда гаснут софиты. Её дорогой злодей.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	32
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	87
Глава 8	106
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Валентина Зайцева

Демоны Олимпа:

Мой дорогой злодей

Пролог

Аня

Первый курс

Я внимательно всматриваюсь в экран смартфона, изображая на лице ту самую легкую, кривоватую ухмылку, после чего щелкаю затвором камеры. Тут же опускаю телефон, чтобы оценить результат. М-да, полная ерунда. Нажимаю «удалить» и делаю еще один дубль — на этот раз чуть приподнимаю подбородок и ловлю правильный свет. О, вот это уже кое-что! Настоящая бомба.

Заголовком пушу что-то вроде: *Готова взорвать эту вечеринку. Спасайте, кто может!*

Для конца марта на юге выдался удивительно погожий день. Настолько жаркий, что я безжалостно сбросила тяжелую куртку, оставшись в одном легком топики. Выложив фото в соцсети, я с замиранием сердца жду реакцию. Первые лайки прилетают от девчонок с параллели, но я лениво листаю ленту дальше — пока мое внимание не привлекает

шумная компания, вальяжно шагающая по аллее.

Я поднимаю взгляд и на секунду забываю, как дышать.

«Демоны». Именно так в нашей элитной академии «Олимп» называют эту четверку. Настоящие короли академии, главный кошмар учителей и предмет вздохов всех девчонок.

Они, разумеется, шагают мимо, даже не удостоив меня беглым взглядом. Я ведь всего лишь первокурсница, а они — неприкасаемые выпускники, элита. Но среди них идет *он*. Глеб Вилков. Старший брат того самого бунтаря Сергея.

Боже мой... Глеб насколько красив, настолько же и опасен. Кажется, от одного его взгляда у меня внутри всё переворачивается и рушится, а когда он медленно ухмыляется — сердце просто отказывается биться в нормальном ритме.

— Эй, не помешала? — раздается рядом звонкий голос.

Я быстро убираю телефон в карман и стараюсь придать лицу максимально непринужденное выражение. Передо мной стоит Кристина — одна из тех популярных девчонок, которые всегда знают все сплетни.

— Да так, ерунда, — бросаю я, хотя щеки уже начинают предательски гореть.

Я замечаю, что парочка друзей Глеба — Даниил Волков и Арсений Давыдов — о чем-то шепчутся, бросая в нашу сторону насмешливые взгляды. Рядом с ними крутится Алиса — местная королева красоты, которая всеми силами пытается привлечь внимание Глеба.

И тут Глеб Вилков поворачивает голову. Его глубокие, темно-синие глаза мгновенно находят меня в толпе. В них пляшут опасные, дьявольские искорки, точь-в-точь как у персонажей из остросюжетных фильмов, когда главный герой намеревается сыграть в очень рискованную игру.

— У меня сегодня вечеринка, — произносит он низким, бархатистым голосом, от которого по моей спине пробегает армия мурашек. — Приходи.

Я сглатываю подступивший ком, отчаянно пытаюсь сохранить лицо и не выглядеть как наивная дуручка.

— У меня... вообще-то нет приглашения, — выдавливаю я с легким вызовом. — У вас же там свои правила?

Глеб медленно подносит пальцы к подбородку, прищуривается и оглядывает меня с ног до головы. Алиса рядом с ним едва не задыхается от возмущения, но Даниил Волков лишь иронично ухмыляется, шепча ей что-то на ухо.

— Для тебя правила отменяются, — роняет Глеб, и его ухмылка становится ещё более дерзкой. — Встретимся вечером на парковке у закрытого бассейна.

Они уходят так же быстро и стремительно, как и появились, будто Глеб Вилков только что не перевернул весь мой мир с ног на голову одной-единственной фразой.

Вечер у закрытого бассейна оказывается совсем не таким романтичным, как я себе представляла. Кристина, которая вызвалась подвезти меня на своей старенькой машине, то и дело пытается завести разговор, но все её попытки провали-

ваются. Мои нервы на пределе. Я смотрю в окно на мелькающие огни и чувствую, как внутри всё сжимается от предвкушения.

Когда мы наконец приезжаем на загородную виллу Вилковых, Кристина мгновенно растворяется в шумной толпе на высоких каблуках, оставляя меня одну. Я чувствую себя чужой на этом празднике жизни, пока из полутьмы коридора не появляется Глеб.

— Ого. А ты всё-таки пришла, — тихо произносит он, вырастая за моей спиной.

Его глаза горят странным, почти гипнотическим огнем. Он протягивает мне баночку холодной газировки, а его ладонь бережно и в то же время властно опускается на мою поясницу, направляя в сторону бильярдной.

Следующий час превращается в какой-то туманный сон. Глеб ведет меня через толпу, знакомит с какими-то людьми, чьи имена тут же вылетают у меня из головы. Большинство из них смотрят на меня с откровенным недоумением или завистью. Еще бы! Сам Глеб Вилков — один из главных «Демонов» академии — весь вечер не отходит от скромной первокурсницы!

Он наклоняется к моему уху, и его теплое дыхание щекочет кожу: — Не обращай внимания. Они просто завидуют.

В его поведении есть эта невероятная, чисто магнетическая властность. Он ведет себя как настоящий хозяин положения, дьявольски красивый и абсолютно уверенный в соб-

ственной безнаказанности. Когда партия в бильярд подходит к концу, он артистично отправляет последний шар в лузу, а затем оборачивается ко мне и легко, почти невесомо целует в щеку — вроде как на удачу.

— Здесь слишком шумно, — шепчет он, и его голос вибрацией отдает у меня в груди. — Пойдем со мной.

Мы поднимаемся на второй этаж и проходим в его кабинет. Здесь тихо, горит лишь одна настольная лампа, а из колонок тихо льется стильная музыка.

Глеб проходит к рабочему столу, на котором лежит открытый ноутбук. Сбросив на спинку кресла свой пиджак, он остается в одной белоснежной рубашке, подчеркивающей его широкие плечи и атлетичную фигуру.

— Никакого фарса, никаких глупых игр, — говорит он, поворачиваясь ко мне. В его глазах больше нет прежней легкой ухмылки — теперь там царит чистая, необузданная страсть. — Я заметил тебя еще два дня назад, Аня. И я не привык долго ждать.

У меня перехватывает дыхание. Вся моя спесь и желание казаться взрослой мгновенно улечиваются. Он делает шаг ко мне, упирается руками в стол по обе стороны от моих бедер, полностью блокируя мне путь к отступлению.

— Ты боишься меня? — тихо спрашивает он.

— Ни капли, Вилков, — бессовестно вру я, хотя сердце в груди отбивает бешеный чечетку.

Глеб низко и бархатисто смеется. Этот смех обжигает

сильнее любого огня. Он медленно наклоняется, и его губы касаются моей шеи. Каждое его прикосновение — горячее, уверенное, доводящее до безумия. Он обнимает меня за талию, притягивая ближе, и я понимаю, что окончательно и бесповоротно пропала.

Он ведет себя как настоящий хозяин моего тела и разума, требовательно и нежно одновременно. В нем нет смущения — только ледяная уверенность и властная страсть, перед которой невозможно устоять.

Когда всё заканчивается, и мы начинаем собираться, Глеб снова меняется на глазах. Он опять становится тем самым холодным, недостижимым мажором из академии. Он небрежно застегивает пуговицы на рубашке, проводит рукой по темным волосам и бросает на меня быстрый, непроницаемый взгляд.

— Тебе пора, Аня. Кристина ждет внизу.

— Да... конечно, — тихо отвечаю я, сглатывая внезапно подступившую горечь.

Через полчаса я уже сижу в машине Кристины, уткнувшись лбом в прохладное стекло. Мимо пролетают ночные огни загородной трассы, а в голове крутится только одна мысль.

Это не было сказкой. Он не стал моим принцем. Глеб Вилков — опасный, жестокий и безумно притягательный Демон, который просто взял то, что хотел.

Но чёрт меня дери... это была самая лучшая и самая опас-

ная ошибка в моей жизни.

— Ничего себе... — протягивает Тимур Тулеев, наклоняясь через плечо Арсения.

Они сидят за своим элитным столиком в центре столовой и наперебой разглядывают экран смартфона Арсения. Я прохожу мимо, разрываясь между отчаянным желанием встретиться взглядом с Глебом Вилковым и судорожной попыткой сделать вид, будто мне абсолютно всё равно, смотрит он на меня или нет.

Прошёл целый месяц с той ночи на загородной вилле. И хотя Глеб не отвергал меня прямо, он больше ни разу не дал понять, что хочет повторения. Разумеется, меня никто не приглашал за их «королевский» столик и уж тем более не давал привилегий, которые получают девчонки из их ближнего круга. Я почти убедила себя, что та ночь была лишь его странной проверкой... И если это так, то я, должно быть, её прошла. Обязана была пройти.

— Чёрт, да он её просто уничтожает, — ухмыляется Костя Дёмин, поднимая свой телефон.

Даниил Волков бросает короткий, скучающий взгляд на экран и равнодушно отворачивается. Чуть дальше восседает Захар, обнимая за плечи Свету — ого, а вот это что-то новенькое! — и та лишь брезгливо морщит носик.

Мой взгляд скользит по залу столовой, и я с ужасом замечаю: почти каждый студент держит в руках смартфон. Реак-

ции самые разные — от вытаращенных глаз и шока до пошлых смешков и восхищения. Я на деревянных ногах подхожу к столику девчонок из нашей футбольной секции. Каждая из них буквально прилипла глазами к экрану.

— Что вы все там смотрите? — спрашиваю я, едва удерживая дрожь в голосе, подсаживаюсь на край стула и ставлю поднос на стол.

— Ты только глянь на это! — восклицает Алёна.

Виктория хмурится и демонстративно переворачивает телефон экраном вниз: — Это видео только что слили в сеть. Мерзость какая-то.

— Опять какой-то прикол из паблика? — пытаюсь выдавить из себя иронию и залезаю в сумочку за телефоном.

Экран тут же вспыхивает от десятка уведомлений. В общем чате академии ролик пересылают с какой-то дикой, сумасшедшей скоростью. Видео висит в самом топе. Я нажимаю на воспроизведение... и хотя моему разуму требуется пара секунд, чтобы осознать увиденное, тело реагирует мгновенно. Меня одновременно бросает в ледяной пот и дикий, обжигающий жар. К горлу подступает подлая, тошнотворная волна.

На видео — девушка, прижатая лицом к подушке, и парень, удерживающий её сверху. Лиц не видно. Её лицо скрыто длинными рассыпанными волосами, а он держится так, чтобы не попасть в кадр. Лишь его сильные руки и характерный силуэт...

Едкая желчь подступает к горлу, и я с трудом сглатываю. Эта девушка на видео — я.

— Кто..., кто это вообще? — с трудом выдавливаю я, изо всех сил пытаюсь сощуриться, будто пытаюсь кого-то разглядеть.

— Да понятия не имею. Даже не факт, что это у нас в «Олимпе» снято. Сегодня утром во все паблики закинули, — Алёна заглядывает в мой экран. — Видишь там что-нибудь знакомое? Ну, детали комнаты или хоть какую-то зацепку?

Я весь этот месяц пыталась стереть из памяти ту ночь с Глебом Вилковым. То, насколько всё было не так. Каким опустошённым и сломанным я чувствовала себя после: всё тело ломило, а душа жаждала хотя бы одного тёплого, нежного прикосновения. Всё произошло слишком жёстко, слишком быстро... И несмотря на весь этот кошмар, я испытала странное, смешанное с облегчением разочарование от того, что он не похож на тех парней, которые требуют продолжения.

Но сейчас, глядя на экран, кусочки этого жуткого пазла со щелчком встают на свои места.

То, как он красовался перед открытым ноутбуком на столе. Как специально удерживал меня затылком к подушке, не давая повернуть голову. Как мы не общались — да я и *не могла* вымолвить ни слова, когда его пальцы сжимали мою шею. И как потом, когда всё закончилось, он избегал моего взгляда. Нет, не избегал... Его глаза были абсолютно тёмны-

ми, безэмоциональными и холодными.

Вокруг меня шумят разговоры и строятся сотни догадок, а я просто смотрю в экран, сходя ума от страха и пытаюсь понять: выдаст ли меня хоть одна деталь? Слава богу, мои волосы на видео выглядят скорее тёмно-русыми, чем рыжими...

Сколько пройдёт времени, прежде чем все поймут, кто на этом видео? Что я позволила ему сделать это со мной? Что я.... доверилась ему?!

Я с треском блокирую телефон. Глаза щиплет от подступающих слёз, а каждая клетка кожи горит от жгучего, парализующего стыда. Девчонки за столом продолжают увлечённо перешёптываться, не отрываясь от экранов.

Я медленно поворачиваю голову в сторону столика «Демонов».

Глеб Вилков сидит там, откинувшись на спинку стула. На его безупречном лице сияет самодовольная, надменная и гордая ухмылка.

И впервые за долгие недели он встречается со мной взглядом.

И медленно, с дьявольским превосходством... подмигивает.

Глава 1

Аня

Глядя на капельки пота, выступившие над верхней губой Маргариты Григорьевны, нашей завуча по воспитательной работе, никогда и не подумаешь, что в её кабинете царит настоящий арктический холод. Из кондиционера под потолком дует так, будто мы находимся не на юге России в разгар бархатного сезона, а где-то на Северном полюсе. Наверное, это возрастное, сочувственно думают девчонки, когда заходят сюда, закладывая ногу за ногу на кожаном диванчике.

— Что ж, твоё расписание выглядит вполне неплохо, Аня, — произносит Маргарита Григорьевна, аккуратно отмечая галочками пункты в моём учебном плане. — Даже с учётом того академического отпуска, который ты брала, все основные предметы у тебя закрыты. Кроме... — Она строго смотрит на меня поверх бифокальных очков. — Физической культуры.

— Что? — я беспокойно ерзаю на стуле, чувствуя, как кожа на затылке мгновенно натягивается от досады. — Но я думала, что от физкультуры я освобождена, раз занималась в спортивной секции!

— Освобождение даётся только тем, кто входит в основной состав сборной. За два года у тебя набрался лишь один семестр в юношеской команде. — Её глаза строго вспыхива-

ют, и она выдаёт ту самую формулировку, которую педагоги, кажется, выучивают ещё в институте: — Ты пропустила целый семестр. А ты ведь знаешь правила нашего «Олимпа» ...

— Я знаю, что пропустила семестр, — вздыхаю я, тяжело опуская плечи и оттягивая пальцем тонкую резинку на запястье.

Щёлк!

Я даже не вздрагиваю от щелчка по коже — привыкла за последние полгода. Это единственный способ вернуть себя в реальность, когда внутри начинает закипать паника.

— Вы что, серьёзно заставите меня ходить на физкультуру вместе с первокурсницами?

— Аня, — произносит она тем самым елейным, предельно терпеливым тоном, каким обычно разговаривают с детьми состоятельных родителей, выкладывающих по семьсот тысяч рублей в год за обучение в нашей элитной академии. — Мы детально обсуждали это ещё весной. Я отправляла тебе письма на электронную почту и писала твоей маме. Без зачёта по физкультуре к выпускным экзаменам тебя не допустят. Никаких исключений, даже для тебя.

— Ладно, — выпрямляю я спину, пытаюсь сохранить остатки гордости. — Тогда я запишусь на йогу.

— Йога уже недоступна, группы переполнены.

Я обречённо вздыхаю: — Вы же сами писали в июне, что можно выбрать йогу, волейбол или плавание. Секция волейбола, я так понимаю, тоже забита?

Маргарита Григорьевна бегло скользит взглядом по экрану монитора: — Именно так. Так что твой единственный выбор — бассейн.

— То есть бассейн... — я снова натягиваю резинку. Вот уж «повезло» так повезло! — Проблема в том, что из меня пловец, мягко говоря, так себе.

Завуч добродушно и чуть снисходительно улыбается: — Это вводная группа для начинающих, так что не переживай. К тому же занятия ведёт Валерий Александрович — наш лучший тренер. Наконец-то научишься держаться на воде как следует, а не просто барахтаться. Представь, какой прекрасный бонус!

— Угу, просто мечта всей жизни, — бурчу я под нос.

Пропущенный семестр с самого начала висел на мне тяжёлым грузом, словно назойливая болячка. А всё из-за того кошмара, который случился на первом курсе.

— Ну, раз с учебным планом мы разобрались, — Маргарита Григорьевна с мягким шуршанием закрывает мою личную папку и словно переключает тумблер, — давай поговорим о твоём эмоциональном состоянии. Это обязательная часть нашей беседы перед началом учебного года.

Я поправляю серебряные браслеты на руке, стыдливо пытаюсь прикрыть ими ту самую канцелярскую резинку на запястье. Все психологи в один голос твердят, что это не самый здоровый способ справляться со стрессом и тревожностью, но лично я считаю, что они ошибаются. Провести лето с ро-

дителями, курсируя на яхте вдоль южного побережья Кавказа и не сойти с ума — лучшее доказательство того, что мой метод работает.

Дело вовсе не в том, что я решила полностью отказаться от парней или уйти в монастырь. Я просто выстроила чёткие границы. Задала себе разумные рамки и цели. Встречаться с кем-то не чаще раза в три месяца — вполне адекватный график. Главное ведь качество, а не количество, верно? Эдакое эмоциональное голодание, только в личной жизни.

И знаете... всё оказалось не так уж плохо. Конечно, романтические мысли всё ещё занимают добрую половину моих фантазий, но кожа перестала гореть от фантомных прикосновений ещё недель десять назад. На самом деле, жизнь без парней — это огромное облегчение. За освободившееся время я успела найти себе кучу спокойных хобби: освоила каллиграфию, занялась вязанием, плетением из бисера и даже собрала неплохую коллекцию любимых романтических дорам...

Я снова натягиваю резинку на запястье.

Щёлк!

Если я в ближайшее время не влюблюсь нормальной, спокойной любовью — я просто сойду с ума.

— У меня всё отлично, — вместо этого с улыбкой произношу я. — Я провела прекрасное лето с семьёй. Никаких соцсетей, никакой драмы, никаких проблем. Отличный отдых от реальности... Особенной от той реальности, которую

устроил мне судебный процесс над Глебом Вилковым.

— Приятно это слышать, Аня, — мягко кивает завуч. — А как твои лекарства? Всё в порядке с назначением?

Терпеть не могу, когда посторонние лезут в мои медицинские назначения, но понимаю: это условие, по которому руководство «Олимпа» согласилось вернуть меня к учёбе после академического отпуска.

— Всё без изменений, — проглатываю я лёгкую досаду. — Врач сказал, препарат работает прекрасно.

Маргарита Григорьевна делает аккуратную пометку в своём блокноте.

— А как насчёт общения? Многие твои прежние знакомые окончили академию прошедшей весной. Ты не чувствуешь себя одиноко?

Никто из той элитной компании «Демонов» не был мне настоящим другом. Я и так знала, что этот выпускной год станет для меня испытанием — без привычной суеты вокруг.

— Всё в порядке, здесь остались мои близкие подруги — Таисия и Карина, — я приподнимаю брови, давая понять, что разговор затягивается. — Я жду не дождусь своего выпускного класса. Хочу спокойно подать документы в университеты, пойти на выпускной бал — в общем, прожить этот год на полную катушку.

Я уже сказала маме, что больше не намерена делить комнату с чужими людьми. Прожить четыре года в общежитии — более чем достаточно. Мама согласилась и выхлопотала

для меня отдельный двухкомнатный люкс в жилом корпусе. Мой брат-близнец Гриша, конечно, устроил по этому поводу целое шоу с истерикой и потребовал себе точно такой же номер. Для наших родителей это капля в море, учитывая, через какой ад мне пришлось пройти за последний год. Мама искренне увлечена всеми этими академическими традициями, а для меня отдельный номер — просто комфортная зона безопасности.

Иронично, конечно: год, когда я решила ценить качество, а не количество, начинается с того, что у меня появляется собственное шикарное жильё.

Щёлк!

Маргарита Григорьевна подозрительно прислушивается к звуку: — Я просто хочу, чтобы ты знала, Аня: если тебе понадобится помощь с поступлением или просто захочется поговорить — моя дверь всегда открыта. Я очень хочу, чтобы этот год стал для тебя особенным.

— Не волнуйтесь, Маргарита Григорьевна, — я выдавливаю самую милую из своих улыбок. — Я сделаю всё, чтобы он стал именно таким.

Она заверяет, что пришлёт обновлённое расписание на почту, и я наконец выхожу из её прохладного кабинета на солнцепёк академического двора.

Воздух пропитан зноем, ароматом сухой травы и сладким запахом южных акаций. Мысль о том, что это мой последний год в «Олимпе», вызывает странную, сладко-горькую грусть.

Я прошла через слишком многое за время учёбы: были и прекрасные моменты, и настоящая, леденящая душу грязь.

После того как на первом курсе я доверилась Глебу Вилкову, то самое слитое в пабрики видео разлетелось по всей академии за считанные часы. И хотя никто так и не смог доказать, что на кадрах именно я — Глеб с дьявольским хладнокровием молчал, когда ролик стал вирусным, — я просто сломалась. Перестала есть, перестала спать, перестала выходить из комнаты. Я совершала безумные, отчаянные поступки, пока моя соседка по комнате не испугалась и не вызвала психологическую службу.

В итоге меня отправили на реабилитацию. Это был скорее комфортабельный загородный санаторий на морском побережье, чем больница: «Солнечный берег» утопал в зелени, там подавали исключительно органическую еду, по утрам мы занимались йогой на свежем воздухе, а по вечерам прогуливались вдоль прибоя под присмотром врачей. Там психотерапевт поставил мне диагноз «депрессивный эпизод» и прописал курс мягких препаратов, чтобы сгладить эмоциональные скачки. Лекарства действительно помогли. Через шесть месяцев я вернулась домой, готовая постепенно собирать свою жизнь заново.

Я честно пью лекарства, потому что с ними действительно проще. Но есть одна вещь, которую не способны заглушить ни лекарства, ни йога, ни прогулки у моря.

Это глухая, въевшаяся в самые кости потребность быть

защищённой и любимой. Потребность, о которой я никому не рассказывала до тех пор, пока Глеб Вилков не растоптал моё доверие.

Всем нравится думать, что после травмы человек замыкается в себе навсегда. Но это не так. Иногда тебе просто отчаянно нужен кто-то, кто докажет, что мир состоит не только из предателей. Этот внутренний голод до сих пор иногда накатывает жгучей волной. Даже сейчас, идя по двору академии и замечая симпатичных парней, спешащих на занятия, я порой чувствую, как внутри всё сжимается от тоски по настоящему, искреннему теплу...

Щёлк!

Вдруг я замечаю Таисию, которая стоит, прислонившись к стволу огромного раскидистого дуба. За лето её светлые волосы выгорели на южном солнце и стали совсем золотистыми, а на переносице высыпали милые золотые веснушки. Она увлечённо что-то пишет в своём блокноте — ничего удивительного, её мама работает известным журналистом, и Тая мечтает пойти по её стопам. Я знаю, что она постоянно пытается выбить у редактора нашей академической газеты, Льва Борисовича, разрешение на расследования внутренней жизни «Олимпа». Но «Олимп», естественно, не любит выставлять свои тайны напоказ.

— Эй, красотка! — окликаю я её и слегка толкаю бедром.

— Аня! — её глаза мгновенно вспыхивают радостью. Тая буквально виснет у меня на шее, издавая визгливый девчоно-

чий восторг. Я утыкаюсь носом в её вкусно пахнущие солнцем волосы и обнимаю её в ответ. — Я так скучала по тебе!

— Я тоже скучала, Тая, правда, — искренне отвечаю я. — Как прошло твоё лето?

— Фантастически! — её синие глаза искрятся азартом.

Я лукаво приподнимаю бровь: — Много времени провела с Максимом Сивовым?

Щёки Таи мгновенно заливаются ярко-розовым румянцем, хотя она и пытается изобразить строгость: — Ну... мы действительно провели вместе кучу времени, да.

Эти двое — идеальная и ужасно милая пара. Оба с характером, оба с прошлым, но смотрят друг на друга так, будто вокруг никого больше нет. Если моё «эмоциональное голодание» затянется, я, похоже, буду проживать романтическую жизнь за счёт их отношений!

— А ты как? — переключается Тая. — Как прошел ваш круиз по Черноморскому побережью?

Я неопределенно машу рукой: — Ну, знаешь... Папа весь отпуск провёл за штурвалом яхты, мама скупала всё в местных бутиках, а я.... просто наслаждалась морем.

— И никаких симпатичных парней на причалах? — смеётся она, но я слышу в её голосе лёгкое скрытое напряжение. Она переживает за меня. С тех пор как Тая узнала, кто именно был на том слитом видео, она смотрит на меня немного иначе — с чуткой, бережной заботой. И, честно говоря, это самое больно. Это именно то, чего я всегда боялась: стать в

глазах друзей той самой «пострадавшей девчонкой».

Секс с Глебом Вилковым был жёстким, быстрым и холодным. Но самым страшным оказалось не это, а ледяная жестокость, с которой он растоптал меня после.

Щёлк!

Я натягиваю резинку и отпускаю её, возвращая себе спокойствие, и с улыбкой беру Таю под руку, увлекая её в сторону учебного корпуса. Этот год будет другим. Я обязательно сделаю его другим.

Люди вокруг видят во мне либо невинную жертву, либо законченную дуру. Ни то, ни другое не имеет ничего общего с правдой. Просто ни у кого из них нет ни малейшего желания разобраться.

— Да ладно тебе, — говорю я Тае, слегка подталкивая её плечом. — Я просто много читала книг за это лето и совсем отвыкла от суеты.

— Кстати, ты слышала что-нибудь от Оли Свиридовой? — спрашивает Тая, перекладывая сумку с деликатесами на другое плечо. — Я видела пару её постов. Похоже, у них с Сергеем Вилковым просто сумасшедший роман. Если честно, я ей даже немного завидую.

Оля перевелась к нам в прошлом году. Мы быстро сдружились, а потом у неё закрутился бурнейший роман с Сергеем Вилковым — младшим братом Глеба.

Да уж, вокруг семьи Вилковых в академии всегда крутятся куча слухов.

— Да, я тоже кое-что слышала, — отвечаю я, вспоминая пачки открыток в своей комнате. — И, если верить мессенджерам, они сейчас в Москве, подальше от драмы нашей любимой академии.

Тая с иронией вздыхает, глядя на просторный двор «Олимпа»: — Ну, раз родители Оли разрешили ей перевод, значит, они с Сергеем действительно счастливы. По крайней мере, хотя бы у них всё сложилось... Ну а нам предстоит встречать новых «Демонов», которые придут на смену выпускникам. Выпускной год, Аня! Это будет просто огонь, я нутром чувствую!

— Ох, Тая... Ты у нас неисправимая оптимистка, — улыбаюсь я. — Порой мне кажется, что ты тайком принимаешь витамины счастья.

— А ты что собираешься делать? — перебивает она, когда мы неторопливо шагаем через академический сквер. — Серьёзно не будешь жить в общежитии?

Тая фыркает: — Господи, да если бы моя мама разрешила мне съехать из дома, я бы от счастья до потолка прыгала! После той страшной аварии перед первым курсом родители опекают меня как хрустальную вазу. Едва уговорила их отпустить меня в академию! А теперь, когда Тимур выпустился... — В её синих глазах вспыхивает азартный огонек, когда она сжимает в руках блокнот. — В общем, мне срочно нужен сочный материал для расследования в газету.

— Уверена, ты обязательно что-нибудь раскопаешь, —

ободряюще жму я её руку.

В этот момент мой телефон в кармане вибрирует. Я достаю его и смотрю на экран.

«У вас новое совпадение!»

Я замираю, чувствуя, как по телу пробегает знакомая дрожь. Мои нервы натянуты как струны — и не мудрено, ведь моё последнее свидание «вслепую» состоялось в самый последний день прошлого учебного года.

Три месяца назад.

Я всю неделю перед каникулами искала того самого — кто идеально подойдёт под мой продуманный план. Идеальный кандидат, без лишних чувств и драм. Но парней из «Олимпиа» я отбросила сразу: сыта по горло их пафосом, сплетнями за спиной и детскими обидами. Мне не нужен был бойфренд, мне не нужны были громкие обещания. Я просто хотела доказать себе, что контролирую свою жизнь.

Я сдерживаюсь, чтобы не выложить всё Тая прямо сейчас. Мой временный «пост» в личной жизни подходит к концу, и сегодня вечером меня ждёт встреча.

Но я вовремя вспоминаю, как громко и заразительно Тая умеет смеяться, и решаю промолчать. Не хочу, чтобы она волновалась за меня.

— Мне пора, — говорю я ей, убирая телефон обратно в карман. — Нужно ещё кое-что сделать до того, как завтра начнутся официальные занятия.

Она машет мне рукой и уходит, а я достаю смартфон,

как только оказываюсь на достаточном расстоянии. Открываю уведомление, и оно перенаправляет меня прямо в приложение «АкадемСваха» — закрытый студенческий сервис знакомств, где профили подтверждаются строго по студенческим билетам. Отличная вещь: ты видишь человека насквозь, прежде чем поддашься эмоциям.

— Ого... — вырывается у меня при виде фотографии.

Обычно в профилях висят скучные селфи, но этот парень явно умеет себя подать. На снимке — подтянутый брюнет в чистом синем бассейне, опирающийся на поручень. Широкие плечи, рельефный пресс, уверенная осанка плавания — идеальное тело, которое я разглядывала в своём профиле уже раз десять.

Правда, его никнейм — это отдельный вид пафоса. *КорольВсплеска*.

Но статус под фото компенсирует всё. *«Не готов к эмоциональным соплям. Если не умеешь играть по-взрослому — не трать моё время»*.

Чётко, дерзко и по делу. Фотография шикарная, статус — именно то, что я искала. Я не настолько наивна, чтобы думать, будто один вечер решит все мои проблемы, но хорошая, встряхивающая эмоциональная разрядка — это именно то, что доктор прописал. Один вечер, чтобы вернуть себе уверенность и шагнуть в новый учебный год.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что во дворе никого нет, я свайпаю экран вправо. Как я и обещала Маргари-

те Григорьевне — этот год будет лучшим!

Встретимся в клубе «Аид». 21:00. Ты в списке. Надень что-нибудь красное.

Я достаю телефон из сумочки, поправляя короткий подол своего красного платья. Клуб «Аид» — это довольно значное, полуподвальное местечко, куда ни один уважающий себя студент из «Олимпа» и близко бы не подошёл. Ну, или раньше не подошёл бы.

Когда я была здесь в последний раз, тут толпились сомнительные личности и гремела оглушительная музыка из хрипящих колонок. Но сейчас клуб явно отремонтировали: стильный неоновый свет, дорогой звук, а у входа припаркована целая вереница иномарок. С каких пор это место стало таким популярным?

У входа стоит внушительная очередь, но я не собираюсь плестись в её хвост. У дверей дежурит хмурый охранник внушительных размеров. Проходя мимо толпы, я подхожу прямо к нему.

— Эй, деточка, очередь сзади, — гудит он, и от него разит дешевым одеколоном.

Я гордо вскидываю подбородок и смотрю на него с ледяным превосходством — прямо как главные героини в дорамах, когда показывают свой характер: — Я «Рыжая Лиса», я есть в списке.

Охранник с нескрываемым скепсисом заглядывает в планшет. Ему хватает пары секунд, чтобы его лицо смени-

лось на уважительное: — Проходите, мисс Лиса. Приятного вечера.

Внутри клуба царит полумрак и вибрирует басовитый ритм. Народу много, но дышать есть чем. В воздухе витает электрическое напряжение — неоновые вспышки выхватывают из темноты танцующие фигуры.

Никнейм *КорольВсплеска* не подсказывал, где именно его искать, но написал: *«Ты в красном — я сам тебя найду»*. Парень явно с завышенной самооценкой. Я решаю проследовать к барной стойке — подальше от шумной толпы.

— Безалкогольный коктейль с клубникой, пожалуйста, — прошу я бармена.

Получив бокал, я опираюсь локтями на стойку и делаю небольшой глоток. Музыка начинает слегка оглушать, и я уже начинаю сомневаться, была ли это хорошая идея...

И тут я чувствую это.

Две мужские ладони тяжело и властно опускаются на барную стойку по обе стороны от меня, фактически зажимая меня в тиски. До меня доносится знакомый, до боли узнаваемый аромат дорогого парфюма. Мужское тело за моей спиной излучает опасное, давящее тепло.

Я замираю, не в силах сделать вдох.

— А вот как мы поступим, Рыжая, — раздаётся над самым моим ухом низкий, бархатистый, доводящий до дрожи голос. — Сейчас ты спокойно встаёшь, поворачиваешь налево, проходишь в служебную зону и заходишь в кабинет ди-

рекции. Там ты снимаешь свои каблуки, опираешься на стол и ждёшь меня. А я устрою тебе такой вечер, что ты всю неделю ходить нормально не сможешь. Вопросы есть, Рыжая?

Мои глаза расширяются от дикого, парализующего ужаса. Сердце заходится в бешеном, рваном ритме.

Потому что я знаю этот голос.

Глеб Вилков.

Он зажал меня в угол, как добычу. Но я больше не та наивная первокурсница, которую можно легко запугать. Я мгновенно запускаю руку в сумочку, нащупываю тяжелый металлический перцовый баллончик, который отец заставил меня носить на ключах, и резко разворачиваюсь.

Ш-ш-ш!

Я направляю струю прямо ему в грудь, заставляя его отшатнуться. Он едва успевает прикрыть лицо рукой.

— Ты совсем с ума сошла?! — рычит Глеб, его голос мгновенно теряет вальяжность, а в синих глазах вспыхивает настоящий яростный пламя. — Какого черта, Аня?!

Он делает быстрый шаг вперёд, перехватывает мою руку и выбивает баллончик из пальцев. Тот со звоном катится по полу.

— Отойди от меня! — шиплю я, отступая к барной стойке. — Отойди, или я закричу!

Глеб тяжело дышит, его желваки ходят ходуном, а взгляд полон ледяной ярости: — Это твой брат тебя подослал? Или ты сама решила устроить эту комедию?

— Да пошёл ты! — выкрикиваю я, пытаюсь вырвать руку, но он держит крепко. — Ты сам назначил мне встречу в этом приложении!

— Что? — Глеб на секунду замирает, а затем его губы искривляются в злой, ядовитой ухмылке. — Ты реально думала, что я буду сидеть в приложении знакомств и искать тебя? Ты продаёшь себя в интернете, Рыжая?

Этот упрёк бьёт прямо в сердце. Вся моя уверенность рассыпается в прах, уступая место обжигающему стыду.

— Ты... ты просто чудовище, Вилков, — шепчу я, ощущая, как к глазам подступают слёзы. — Не смей ко мне прикасаться!

Он делает шаг ближе, и его лицо оказывается в сантиметре от моего. В его глазах нет ни капли прежней нежности — только холодный, опасный расчёт.

— Послушай меня внимательно, Аня, — тихо, но так, что каждое слово впивается как игла, произносит он. — Если ты думаешь, что можешь играть со мной в свои детские игры — ты ошибаешься. Беги отсюда. Беги и не возвращайся.

Он резко отпускает мою руку.

Я не помню, как выбегаю из клуба на свежий, прохладный ночной воздух. Сердце колотится где-то в горле, руки дрожат так, что я с третьей попытки вставляю ключ в замок зажигания своей машины.

Вжимая педаль газа, я мчусь по ночной трассе, а в ушах всё ещё звучит его ледяной, надменный голос.

Щёлк!

Резинка на запястье больно бьёт по коже, но на этот раз боль совсем не помогает.

Глава 2

Глеб

Я слизал с верхней губы капли газированной воды, ощущая приятную прохладу. По крайней мере, не придётся выслушивать очередные нотации от охраны на входе из-за какого-нибудь мелкого инцидента. Придётся снова серьезно поговорить с начальником безопасности: пускай получше проверяют документы у посетителей. Особенно по воскресеньям, когда в клуб рвётся вся эта академическая молодёжь.

Из ложи на балконе донёсся громкий, хриплый смех Евгения. Я предпочёл проигнорировать его и дотянулся до стойки за чистым полотенцем. Разумеется, прошлый вечер в клубе был бурным, но сейчас моё внимание занимали совершенно другие мысли. Назойливое гудение в голове и глухая тяжесть в желудке отнимали последние силы.

Отец всегда гордился тем, что мой брат Сергей учится в столичном престижном вузе. Он постоянно ставил его мне в пример, хотя сам Сергей едва справлялся с нагрузкой. Большинство из этой элитной компании привыкло решать вопросы благодаря связям родителей, а потом держаться вместе в своём узком кругу.

Может, я просто параноик? Или всё дело в том, что в прошлом я уже сталкивался с предательством? Разумеется, когда Аня появилась в моём клубе, это не могло быть простым

совпадением. Только не эта девчонка. Не после всего, что произошла между нами.

Бармен слегка скривился, когда я бросил влажное полотенце на стойку и направился к лестнице, но сказать ничего не решился. Он прекрасно знает: если хочет сохранить своё место, лучше не задавать лишних вопросов. К тому же «Аид» приносит стабильный доход с самого начала осени — с тех пор, как я полностью взялся за управление этим заведением.

Зайдя в академию, я быстро понял, что учеба — это не совсем моё. Но когда встал вопрос о семейном бизнесе Вилковых, от меня потребовали соответствовать высоким стандартам. Долгое время я играл по их правилам, но моё терпение быстро лопнуло. Я хотел зарабатывать сам. Хотел вести свои дела.

Деньги отца всегда давались с кучей условий. Он стремился контролировать каждый шаг, каждую сделку. Любое моё предложение воспринималось в штыки: «Слишком рискованно», «Слишком неосмотрительно». Он твердил, что бизнес — это игра в долгую, и упрямо держался за устаревшие методы.

А вот Сергей стал для меня отличным способом зарабатывать. Он парень горячий, готовый отстаивать своё мнение кулаками. Мы могли сколько угодно спорить дома, но я признавал: у парня есть хватка. Я организовывал для него подпольные бои, где на его победы ставились серьезные суммы.

Когда он переключился на уличные гонки, зарабатывать стало ещё проще. Мозгов у парня хватало, но вот когда дело касалось скорости и азарта — тут его буквально срывало.

Все эти воспоминания отозвались горчинкой, когда я поднимался по ступенькам в VIP-ложу. Несколько ребят из престижного академического клуба однажды подставили меня, из-за чего у меня возникли серьёзные неприятности. Отцу и матери было всё равно, а руководство академии быстро дало понять, что защищать меня никто не станет. Доступ к семейным счетам мне перекрыли. Я потерял буквально всё.

Кроме клуба.

«Аид» остался единственным активом, который принадлежал мне по закону. Я выиграл его в споре на одном из боев Сергея, и теперь это место стало моим единственным домом и делом жизни. Здесь я работал, решал вопросы и проводил все дни напролёт. Год назад это место напоминало заброшенный склад. За несколько месяцев я превратил его в процветающее заведение, о котором говорит весь город.

Правда, оставалась одна нерешённая проблема.

— Ну что, Вилков, сдулся? — Евгений с громким хохотом обнял меня за плечи, как только я шагнул в VIP-ложу.

Его ложа возвышалась над танцполом и баром. Оттуда открывался отличный обзор на весь зал.

— На твоём месте я бы радовался, что легко отделался, — хмыкнул я, стряхивая его руку с плеча.

Я сделал знак Татьяне, официантке VIP-зоны. Она давно

знала мои привычки: если напоить Евгения, появится шанс, что он уйдет пораньше и не будет мешать работе.

Татьяна принесла напитки. Евгений, которому было уже далеко за сорок, даже не взглянул на двадцатилетнюю девушку, хотя она изо всех сил пыталась привлечь его внимание. У Евгения был свой взгляд на вещи, и девушки его интересовали исключительно как статус.

— Итак, ближе к делу, — Евгений вальяжно откинулся на спинку дивана. — Что у тебя с той рыжеволосой девчонкой? Ты вроде пытался к ней подкатить?

— Я знаю, как общаться с девушками, Евгений, — сухо ответил я, делая глоток. — И давай не будем обсуждать мои личные дела.

— Ого, какие мы обидчивые! — он усмехнулся. — Я же видел её в приложении знакомств. Та самая Аня. Дочка богатых родителей, которая строит из себя невинность. Забавно, правда?

Я сжал зубы, едва сдерживая раздражение. Я не собирался обсуждать Аню с этим человеком.

— Она не такая, — отрезал я. — И меня абсолютно не волнует, что она делает в интернете.

— Да ладно тебе, Вилков! — Евгений наклонился вперёд, опираясь локтями о стол. В его глазах блеснул азартный огонёк. — Давай заключим пари.

— Какое ещё пари? — я подозрительно прищурился.

— Если ты сможешь добиться её расположения и приве-

дёшь её сюда до конца недели — я спишу половину твоего долга.

Я замер, не успев донести бокал до губ. На кону стояли огромные деньги — половина моего долга за выкуп клуба.

— Ты серьёзно? — спросил я, внимательно всматриваясь в его лицо.

— Абсолютно, — хмыкнул Евгений. — Но если у тебя ничего не выйдет... ты отдаёшь мне клуб. Полностью.

Условие было жёстким. «Аид» — всё, что у меня осталось. Но списать половину долга одним махом... это был шанс, который выпадает раз в жизни.

— Договорились, — произнёс я и протянул ему руку.

Евгений скреплял сделку крепким пожатием. В его глазах читалась уверенность в собственной победе. Он думал, что я не справлюсь, что Аня окажется для меня неприступной крепостью.

Но он плохо меня знал. И ещё хуже он знал Аню.

Глава 3

Аня

Сначала я отгоняю эти мысли в машине, когда паркуюсь в самом дальнем и тёмном уголке академической стоянки. Затем стараюсь смыть их под горячими струями душа в своей комнате, упрямо подставляя лицо под воду. Но когда ложусь в постель, просыпаюсь в три часа ночи и снова чувствую, как внутри закипает тревожный, трепетный гул, сдержанность себя становится всё труднее.

Дело вовсе не в физическом влечении. Не сегодня.

Бывают дни, когда я могу неделями жить абсолютно спокойно, не думая ни о чём подобном. Но иногда — в самые тяжёлые, неудачные дни — меня накрывает такой глухой, неотступный эмоциональный голод, что хочется спрятаться с головой под одеяло и от бессилия уткнуться носом в подушку. И всё равно кажется, что этого мало.

Сегодня всё совсем иначе. Мне просто хочется уткнуться лицом в мягкий ворс подушки и зажмуриться. Какого черта в мою голову вообще лезут воспоминания о Глебе Вилкове? Моя личная жизнь и без того была соткана из разочарований и сожалений, но сегодняшнее чувство... оно какое-то особенно липкое и неприятное.

Даже во время обеда меня не покидает это давящее, тревожное ощущение. Очень трудно сохранять невозмутимый

вид, когда в глубине души ты знаешь: человек, причинивший тебе столько боли, снова где-то рядом.

Щёлк!

— Слушайте, дайте мне хоть как-то отвлечься, — с досадой отодвигаю я поднос с почти нетронутым обедом и моляще смотрю на подруг. — Просто... скажите, что всё будет хорошо.

— Ой, да ладно тебе, — ухмыляется Карина. — Не могу поверить, что ты так переживаешь из-за этой физкультуры!

Я предупреждающе поднимаю палец: — Если уж на то пошло, это недоработка Маргариты Григорьевны — могла бы предупредить меня раньше.

Тася бросает на меня скептический взгляд.

— Ну да, конечно, — ворчу я, опуская плечи. — Вряд ли эта отговорка сработает. Маргарита Григорьевна отлично знает своё дело. Я-то думала, если сделаю вид, будто забыла про предмет, он рассосётся сам собой. Но нет. Теперь придётся ходить на занятия с первокурсниками. Да эти мальчишки-первогодки даже не поймут, как вести себя, когда рядом девчонка в купальнике.

— Ты видела наши академические купальники? — сдавленно смеётся Тася. — Они же вообще не сексуальные! Чтобы втиснуться в этот тёмно-синий эластан и выглядеть привлекательно, нужно совершить чудо, а молоденьким пацанам только этого и надо для смущения.

Карина фыркает, и мы втроём прыскаем от смеха. День

выдаётся действительно странным. Больше половины прошлых «Демонов» академии уже выпустились, и за нашим столиком осталась лишь малая часть прежней компании. Те, кто составлял списки, явно лишили нас главного — ощущения защищённости. Не иметь больше связей с элитой — это как лишиться щита. Раньше, когда Тася встречалась с Максимом, я чувствовала себя в безопасности. А теперь... Без Сергея, Элины, Дениса и Кости за нашим столом образовалась ощутимая пустота.

И я прямо кожей чувствую, как на нас снова начинают бросать косые взгляды. Слышу шепотки за спиной. Тася резко переводит взгляд через моё плечо, и я поворачиваюсь, ожидая увидеть кого-то из старых знакомых.

Но там стоит парень, которого я раньше не встречала. Высокий, подтянутый, он как-то неловко переминается с ноги на ногу у пустого края стола. У него уверенная осанка, но взгляд растерянный, словно он ищет, куда присесть. Он кивает нам, а Карина тут же двигает стул:

— Присаживайся, мы не кусаемся.

— Говори за себя, — бурчу я, разглядывая незнакомца. А он, надо признать, весьма симпатичный. В «Олимпе» не так уж часто появляются интересные новички.

Щёлк!

— Спасибо, — произносит он, опустив тяжелый кожаный рюкзак на пол и поставив поднос. — Не могу больше слушать эти бесконечные разговоры о политике за соседним столом.

— Ты ведь новенький, да? — Тася наклоняется чуть вперёд, приветливо протягивая руку. — Я Тася, а это Карина и Аня.

— Я Олег, — после небольшой паузы отвечает он, сканируя нас ленивым, чуть усталым взглядом. Ему будто все равно, но выглядит он стильно: взъерошенные темные волосы, открытый взгляд. Чем-то его непринуждённость напоминает мне манеры Глеба.

Щёлк! Щёлк!

Откашлявшись, он добавляет: — Олег Белых.

Карина удивлённо приподнимает бровь: — Погоди, Белых? В смысле... ты сын нашего директора Алексей Владимировича?

— Имена совпадают, — усмехается Олег, цепляя вилкой кусочек запеканки. — Хотя вряд ли это даст мне какие-то привилегии в учёбе.

— Скорее наоборот, — сочувственно качает головой Тася. — Я даже не знала, что у директора есть сын. Ты только перевёлся?

— Да, живал у мамы, учился в Зареченском колледже, — вздыхает Олег, и мы обмениваемся понимающими взглядами. — Но все решили, что выпускной год мне лучше закрыть здесь. У меня куча вопросов к этой системе, но спорить бесполезно. Ладно, пойду попробую уговорить тренера Валерия Александровича дать мне поблажку по спорту. Может, разрешит написать реферат вместо плавания?

— По плаванию? — качает головой Тася. — Ну-ну, удачи с этим.

— Спасибо, — улыбается Олег, поднимаясь из-за стола. — Рад был познакомиться, девчонки.

Щёлк!

— Ага, — Олег критически осматривает свой поднос и так и оставляет его на столе, явно не впечатлившись местной кулинарией.

Захватив из автомата пакетик с хрустящими сухариками, я направляюсь через академический парк в сторону бассейна. В этот час в коридорах тихо и пусто. Меньше людей — меньше лишних глаз и дурацких шепотков за спиной. Раньше, когда за моей спиной стояли «Демоны», никто не смел шептаться. Но я уже отвыкла от этого чувства защиты.

В Академии «Олимп» парни привыкли считать себя королями положения. Стоит взглянуть хотя бы на доску почёта возле спортивного комплекса. Даниил Волков в своё время был главным смутьяном, а теперь остепенился рядом с Есением Адамовой, и все делают вид, будто ничего не было. Всё это — лицемерие.

Я толкаю стеклянную дверь и вдыхаю знакомый, слегка прохладный запах хлорированной воды и свежести. Я не раз бывала здесь на соревнованиях, поэтому отлично знаю, где находится кабинет тренера — в самом конце коридора, рядом с раздевалками.

Щёлк!

Возле закрытой двери тренера на стуле уже кто-то сидит. Подойдя ближе, я с удивлением узнаю Руслана Адамова — младшего брата Есении.

— Привет, — улыбаюсь я ему. — Тоже ждёшь Валерия Александровича?

За лето Руслан заметно вытянулся, возмужал, а его голос стал более глубоким и бархатистым. Черты лица заострились, а выющиеся темные волосы красиво обрамляют лицо. Он выглядит просто потрясающе, точь-в-точь как актер из молодежного сериала.

— Ага, — отвечает он. — Пытаюсь выбить освобождение от бассейна.

— Ого, я по той же причине, — я присаживаюсь на соседний стул и открываю пакетик со снеками. — Но вряд ли Валерий Александрович отпустит нас обоих. Мы слишком заметные. Нас наверняка заставят заниматься. Кстати, а ты почему не хочешь? Ты же вроде не первокурсник?

Руслан усмехается и приподнимает бровь: — А ты не слишком взрослая для этой группы?

Я закатываю глаза, но протягиваю ему сухарик: — Пропустила семестр из-за учебы за границей, вот и догоняю. Держи, угощайся.

Он берет пару штучек: — Спасибо. Ты ведь Аня, да? Я видел твои фото в соцсетях. Слушай, но ты же отлично смотришься на снимках с яхты, неужели не умеешь плавать?

— Я умею держаться на воде, Руслан, — вздыхаю я, от-

кидывая голову назад. — Просто в детстве был неприятный случай, с тех пор терпеть не могу глубокую воду. А у тебя какая отговорка? Ты же, кажется, был звездой спорта?

— Было дело, — хмыкает он. — Но мы же с Есенией не родные по крови, понимаешь? Так что у меня свои причины не светиться лишний раз.

— По сути, мы же не профессиональные атлеты, — продолжаю я, поправляя волосы. — Какой смысл заставлять нас мучиться? Всё равно уровень ребят из спортивной секции нам не догнать.

Руслан недоуменно смотрит на меня: — Не думаю, что спорт работает именно так.

— У каждого свои таланты, Руслан, — я улыбаюсь и снова пододвигаю к нему пакетик со снеками. — Позволь мне проявить хоть немного женской слабости. Серьёзно, у каждого своего пунктика. У меня — это танцы.

Он отвечает лёгкой ухмылкой: — Опять эта твоя фирменная поддельная сдержанность.

Я поджимаю губы: — Ты думаешь обо мне слишком хорошо.

— Ну, скажем так, у нас всегда найдётся пара общих тем, — хитро щурится Руслан. — Но давай честно: я провожу слишком много времени у стилиста, чтобы потом испортить укладку водой. Жаль тратить на это силы.

— Что ж, логично, — признаю я, рассматривая его безупречно уложенные локоны. — И зачем ты только записался

на этот курс?

— О-о, это всё мама, — вздыхает Руслан. — Вбила себе в голову идею об «автономии и жизненных навыках». Твердит про умение готовить, уборку и, конечно же, умение держать себя на воде. Считает, что это залог взросления. Мои аргументы про то, что я не собираюсь выживать в дикой природе, её не впечатлили. Скажи спасибо, что нас не отправили в секцию спортивных бальных танцев.

Я невольно содрогаюсь: — О да, это было бы слишком жестко.

Тут дверь кабинета со скрипом открывается, и на пороге появляется тренер Валерий Александрович. Он критически оглядывает нас обоих через пенсне:

— Адамов, Виноградова. Вы оба записались в мою группу в самый последний момент. Надеюсь, у вас есть уважительная причина не быть сейчас в бассейне?

Руслан мгновенно преображается, включая всё своё обаяние и изображая глубокое раскаяние: — Валерий Александрович, неужели нет никакого другого способа зачесть нам этот предмет? Любое другое поручение! Я могу сделать всё что угодно!

Руслан оборачивается ко мне и шепчет: — Я могу пересчитать все секундомеры.

Я выразительно смотрю на него, давая понять, насколько эта идея глупа.

— Я могу организовывать третьекурсников и следить за

порядком на трибунах! — не сдаётся Руслан.

Валерий Александрович строгим взглядом смотрит на парня: — В этом году академическая газета активно освещает наши успехи в плавании. Пловцы — наша гордость, и ты, Адамов, прекрасно знаешь, что плавание — обязательная часть программы. Вы оба выглядите очень разочарованными.

Я понимаю, что пора говорить правду: — Знаете, тренер... На самом деле, я почти не умею плавать. Если быть честной — я могу продержаться на воде пару минут, но не более того. Наверное, это из-за детского испуга, когда мы отдыхали у Марка на катере. Но это правда смущает... и пугает.

Руслан смотрит на меня с искренним удивлением.

Валерий Александрович вздыхает: — Понимаю тебя, Аня. В нашей академии мы с уважением относимся к личным границам учеников. Ты можешь выбрать — переодеваться в общей раздевалке или воспользоваться отдельным кабинетом.

Руслан мгновенно оживляется: — Серьёзно? Вы даёте нам выбор?

— Не спеши, Адамов, — останавливает его тренер. — Есть одно неперемнное условие. Вы должны сдать базовый минимум: два бассейна кролем, спиной и брассом. Для начинающих это совсем несложно, но за один урок вы этому не научитесь.

— Значит, у нас есть шанс? — с надеждой спрашиваю я.

— Есть и хорошая, и плохая новость, — продолжает Валерий Александрович. — Занятия будут проходить индивидуально. В качестве ассистента я прикрепил к вам старшекурсника, который поможет вам освоить технику во время самостоятельных тренировок. Это избавит вас от смущения, и вы быстрее сдадите норматив.

Мы с Русланом переглядываемся.

— Звучит заманчиво, — протягивает Руслан. — И кто же этот помощник?

— Идите за мной, — отвечает тренер, поворачиваясь к выходу на бортик.

Мы проходим по влажному кафелю вдоль чаши бассейна. Воздух здесь пропитан тяжелым, густым запахом хлора. На дальних дорожках тренируются первокурсники, а у самого края, возле судейской вышки, стоит парень в фирменных красных шортах.

Он стоит спиной к нам, сверяя время по секундомеру. Широкие плечи, влажные светлые волосы, знакомый поворот головы... У меня всё внутри сжимается, а сердце делает болезненный кувырок.

Глеб Вилков.

— Что здесь делает Вилков? — сжав зубы, шепчет Руслан. — Погодите, он что работает у них помощником?

— Не может быть, — проговариваю я, не веря собственным глазам. После того, как его дело закрыли, я думала, он уедет из города. Но он здесь, прямо перед нами.

— Алексей Владимирович принял решение оставить Вилкова в качестве помощника, — спокойно объясняет тренер. — У Глеба отличные показатели в плавании, и он может быть очень полезен. Мой план прост: он займется вашей подготовкой, пока я работаю с основной группой. Если вас это не устраивает — будете заниматься на общих основаниях.

— Вы хотите, чтобы мы занимались с ним? — спрашивает Руслан, едва скрывая раздражение.

— Это ваш выбор, — отрезает Валерий Александрович. — Жду вашего решения до конца дня.

Тренер подносит свисток к губам и даёт громкий сигнал. В этот момент Глеб медленно поворачивается в нашу сторону.

Наши взгляды пересекаются. Волна воспоминаний накрывает меня с головой. Я до сих пор помню прикосновение его тёплых ладоней, его уверенный, чуть насмешливый голос. Тогда, весной, мне казалось, что я смогла вырваться из-под его влияния, но сейчас, стоя у края бассейна, я снова ощущаю эту странную, манящую опасность.

Я хватаю Руслана за рукав и тяну назад в коридор: — Ты думаешь о том же, о чём и я?

— Похоже, у нас нет выбора, кроме как согласиться на индивидуальные занятия, — хмурится Руслан, бросая взгляд на Глеба.

— Говори за себя! — шепчу я. — Я не буду с ним заниматься!

— Ты боишься его, Аня? — Руслан внимательно смот-

рит на меня. — Он просто бывший студент, который пытается выкарабкаться из проблем. Ему не до нас. Подумай сама: лучше позаниматься с ним пару недель и закрыть этот зачёт, чем весь семестр позориться перед младшими курсами. У нас всё под контролем.

Я сглатываю подступивший к горлу ком. Руслан не знает всей правды. Он не знает, на что способен Глеб Вилков, когда добивается своего. Но одно я знаю точно: этот семестр будет очень, очень непростым...

После занятий я выхожу в академический двор, доставая телефон. Мне нужно срочно услышать голоса подруг. Я набираю номер Карины, пока иду к парковке.

— Карина! Ты не поверишь, кого я только что видела! — почти кричу я в трубку.

— Аня? Что произошло? — слышится на том конце провода спокойный, чуть ироничный голос.

— Глеб! Он здесь! В нашей академии! — я нервно шагаю по аллее. — Его назначили помощником тренера по плаванию!

— Что? — в разговор вмешивается Тася, которая, судя по всему, сидит рядом с Кариной. — Они что, с ума сошли? После всего, что произошло весной?

— Вот и я о том же! — эмоционально восклицаю я. — Алексей Владимирович лично дал ему разрешение. Теперь они с Русланом предлагают мне тренироваться под его руководством!

— Слушай, Аня, — берёт трубку Тася, её голос звучит мягче и серьезнее. — Ты должна быть сильной. Прошлый год был тяжелым для нас всех. Но ты больше не та девчонка, которая пряталась за чужими спинами. Ты справишься.

— Я знаю... — тихо отвечаю я, садясь в машину. — Просто всё это слишком неожиданно.

— Мы с тобой, — подбадривает Карина. — Позвони, как будешь дома.

Я кладу телефон на соседнее сиденье и несколько секунд просто смотрю перед собой. Внутри меня поднимается уверенность, которой так не хватало в прошлом году. Хватит бегать от прошлого. Если Глеб Вилков думает, что сможет снова манипулировать мной, он глубоко ошибается.

Подъехав к своему дому общежития, я поднимаюсь в комнату и открываю дверь. На кровати сидит незнакомая девушка — стройная, с яркими светлыми волосами, она как раз распаковывает чемодан и раскладывает вещи по полкам.

— Ой, привет! — весело произносит она, поворачиваясь ко мне с сияющей улыбкой. — Ты, должно быть, Аня? А я Жанна, твоя новая соседка!

Я замираю на пороге. Ещё одна неожиданность за сегодня. Но, глядя на её искреннюю улыбку, я невольно улыбаюсь в ответ. Возможно, этот учебный год действительно принесёт много изменений. И я готова встретить их с высоко поднятой головой.

— Понимаю, — улыбаюсь я. — Что ж, логика в этом есть.

Глава 4

Глеб

Квартира находилась с обратной стороны кампуса. Старые, раскидистые ветви деревьев ритмично и глухо стучали по стёклам под порывами осеннего ветра. Внутри было сыро и довольно холодно. Помещение казалось совсем крошечным по сравнению с тем огромным дедушкиным домом, к которому я привык с самого детства. Маленькая спальня, дешёвая двуспальная кровать, три глубокие тарелки на кухне да душевая кабина, от которой вечно пахло сыростью и старой штукатуркой, словно в банном предбаннике.

Я стоял посреди комнаты, сжимая в руках тёмное кольцо вокруг слива в душе, и пытался сообразить, чем прочистить этот засор. Пока что моим единственным спасением оставались три пачки лапши быстрого приготовления.

Быть Вилковым — это не просто носить известную фамилию. Это значит всегда иметь за спиной прочный тыл: огромные дома, дорогие машины, личные кабинеты, обустроенные ванны и ощущение собственной безнаказанности. А эта крошечная съёмная конура заставляла меня почувствовать себя так, словно я пробил головой стену и вылетел на обочину жизни.

Единственное, что удерживало меня на плаву — это работа у бассейна. Но я бывал здесь вовсе не ради спортивных

достижений. Мой адвокат заключил эту сделку с академией, чтобы закрыть дело. Исправительные работы и общественные услуги в «Олимпе» — думал ли я, что окажусь здесь? Я только усмехнулся, когда мне озвучили эти условия. Зато мне удалось избежать реального срока. Мой отец и брат думали, что сломали меня, лишив семейного финансирования: «Ничего ты без нас не стоишь, Вилков». Но я привык справляться сам. Мне не нужна их помощь.

Я уже собирался заняться замком на двери душевой, когда в дверь раздался резкий, настойчивый стук. Не дожидаясь ответа, замок щелкнул — у коменданта явно был запасной ключ. Вошёл человек, которого я ожидал увидеть меньше всего.

На пороге стоял директор Алексей Владимирович.

— Войти можно, Глеб? — сухо спросил он, хотя уже шагнул через порог.

Алексей Владимирович всегда умел держаться так, словно владел всем миром. В свои пятьдесят с небольшим директор выглядел подтянуто и строго. В его взгляде читалась железная воля — та самая, что удерживала «Олимп» в списке лучших учебных заведений города.

— Входите, раз уж пришли, — я скрестил руки на груди, опершись о кухонный стол. — Чем обязан?

— Я зашел проверить, как ты обустроился, — он окинул скромную обстановку внимательным, оценивающим взглядом. — И напомнить о нашем договоре. Я дал тебе шанс за-

крыть вопрос с академической задолженностью и сохранить репутацию.

— Помню, — холодный тон не предвещал мягкости. — Вы дали мне этот шанс, потому что мой отец всё ещё имеет влияние, а вы не хотите лишнего скандала вокруг академии.

Алексей Владимирович лишь едва заметно усмехнулся: — Ты видишь людей насквозь, Глеб. Но не забывай: без моей подписи на документах твои проблемы не исчезнут.

Он подошёл ближе и положил на стол сложенный вдвое лист бумаги с официальной печатью.

— Это твоё расписание на ближайшие недели. Помимо работы с бассейном, ты будешь помогать тренеру на занятиях со старшими группами. Мне нужно, чтобы ты держал ситуацию под контролем и помогал отстающим. В частности — Ане Виноградовой и Руслану Адамову.

Я на мгновение замер. Аня.

— Вы хотите, чтобы я занимался с ними? — в моём голосе проскользнула едва заметная тень.

— Именно, — твёрдо ответил Алексей Владимирович. — Помоги им сдать норматив, и я сглажу твои прошлые проступки в отчётах для попечительского совета. Считаю это прямой сделкой.

Когда директор ушёл, я ещё долго смотрел на оставленную бумагу. Судьба снова сводила нас с Аней — на этот раз в месте, где я меньше всего рассчитывал её встретить.

Ступать по влажному кафелю бортика бассейна, ощущая, как прохладная вода брызжет на ноги, было почти привычно. Шум воды и лёгкий запах хлора успокаивали, возвращая мне привычную концентрацию.

Мои мышцы работали как часы, пока я рассекал воду. Руки и ноги точно выполняли заученные движения. Я не плавал уже довольно давно, больше года, хотя раньше регулярно тренировался. Но сейчас это ощущалось иначе — не просто как спорт, а как способ сбросить накопившееся напряжение и вернуть контроль над собственным телом.

Это было редкое за последнее время мгновение абсолютной свободы. Никаких вызовов, никаких подпольных боёв и споров.

Я вынырнул у самого края бассейна, вытирая воду с лица и глубоко вдохнув прохладный воздух. Посмотрел на трибуны. Там, у судейской вышки, стояли двое.

Её я узнал сразу. Аня Виноградова. В простом спортивном купальнике, с аккуратно убранными волосами. В её карих глазах читалась смесь гордости, опасения и вспыхнувшего внутреннего огня. Она изо всех сил пыталась казаться равнодушной, но я слишком хорошо знал её, чтобы не заметить, как сильно участилось её дыхание.

Рядом с ней стоял Руслан Адамов — младший брат Есени. За лето он заметно вырос и раздался в плечах, но всё так же сохранял свой надменный, чуть вальяжный вид.

— Вилков, отвлекись на пару слов, — раздался строгий

голос тренера Валерия Александровича.

Я повернул голову к бортику.

— Глеб, с сегодняшнего дня ты помогаешь им освоить программу, — произнёс Валерий Александрович, поправляя секундомер. — Они должны сдать плавание кролем и на спине.

Руслан недовольно скрестил руки на груди: — Валерий Александрович, вы уверены, что это хорошая идея? Нам точно нужен помощник?

— Это не обсуждается, Руслан, — отрезал тренер. — Либо вы оба занимаетесь под руководством Глеба и сдаёте норматив в индивидуальном порядке, либо идёте в общую группу к первокурсникам. Выбор за вами.

— Но мы же можем просто сдать теорию или реферат? — не сдавался Руслан.

— Нет, Руслан, — качнул головой тренер. — У нас спортивная академия, а не филологический факультет. Практику придётся сдать всем.

Я медленно выбрался из воды, взял с лавки сухое полотенце и накинул его на плечи. Подойдя к ним чуть ближе, я прямо посмотрел Ане в глаза.

— Ну так что, Виноградова? — тихо и чуть провокационно спросил я, слегка наклонив голову. — Будешь заниматься со мной или предпочтёшь плавать с первокурсниками?

Аня поджала губы, в её взгляде на мгновение промелькнула растерянность, но она тут же взяла себя в руки.

— Я сдам норматив, Глеб, — твёрдо ответила она, сделав шаг вперёд. — И твоё присутствие мне никак не мешает.

— Вот и отлично, — уголками губ улыбнулся я, чувствуя, как внутри снова разгорается азарт. — Завтра в восемь утра на этой же дорожке. Не опоздай.

Глава 5

Аня

— Дамы! — громкий голосок ведущей мгновенно заставил всех умолкнуть. Она стояла у белоснежной трибуны в банкетном зале клуба. — Добро пожаловать на организационную встречу перед нашим ежегодным Благотворительным балом!

Я посмотрела на недоеденный десерт и стакан холодного чая, а затем на маму, которая сияла от восторга. Рядом со мной сидела Тася со своей матерью, а чуть дальше — Карина. Я незаметно потянула за воротник, пытаясь глотнуть немного воздуха. Ситуация становилась всё более угнетающей.

Единственное, что удерживало меня от немедленного бегства из этого зала — это присутствие мамы. Всё происходящее вокруг казалось фальшью.

— Если вы находитесь в этом зале, значит, вас выдвинули как самых достойных девушек нашего общества, — продолжала дама за трибуной. — Впереди вас ждут месяцы подготовки, примерки платьев, уроки этикета и манер.

Мама была в полном восторге. Для неё всё это казалось воплощением идеальной светской жизни. А я чувствовала себя обманщицей, которую вот-вот разоблачат.

Щёлк!

— Да ладно тебе, не всё так плохо, — шепнула Тася. — Нам сошьют красивые платья, и мы пойдём на настоящий бал. К тому же это отлично смотрится в резюме для поступления в университет.

— О да, мечта всей жизни, — иронично вздохнула я.

Мама строго взглянула на меня через плечо, и я тут же прикусила язык. От нас ждали кротости, улыбок и полного соответствия образу идеальных воспитанниц. Но внутри меня всё бунтовало.

Щёлк!

Когда речь наконец завершилась, мама повернулась ко мне: — Ты уже думала, кого пригласишь в качестве кавалера?

Я сползла чуть ниже на стуле: — Пока нет.

— А как насчёт того симпатичного парня, который помогает твоему отцу на гольф-полях?

— Дениса? — с досадой отозвалась я. — Нет, спасибо, мы уже общались, и у нас нет ничего общего.

Щёлк!

— А Михаил Соколов? — вмешалась мама Таси. — Говорят, он поступил на медицинский факультет.

— Он слишком занят учёбой, — натянула я вежливую улыбку.

— Ну, в крайнем случае, ты могла бы пойти с братом, — предложила мама.

Я удивлённо посмотрела на неё: — Мам, я, конечно, без

пары, но не настолько отчаялась! Дай мне время, я кого-нибудь найду. Мне просто нужен человек, с которым будет приятно провести вечер.

Я щелкала канцелярской резинкой на запястье, пыталась сбить тревогу, но это почти не помогало.

— Тебе не обязательно говорить так резко, Аня, — вздохнула мама и повернулась к Карине. — Если Аня не хочет брать брата, ты могла бы спросить Романа, дорогая.

— Мама! — я умоляюще посмотрела на Тасю.

— Роман с радостью составил бы компанию, — подхватила Тасина мама. — А как насчёт Егора?

Егор был бы отличным кавалером, если бы не его сложные отношения с окружением. К тому же после истории с Сергеем у меня было твёрдое правило — не смешивать дружбу и романтику. Мне нравилось, что у меня появились настоящие друзья, и я не хотела всё испортить.

— Я подумаю, но время ещё есть, — ответила я. — Уверена, я найду спутника.

Нас пригласили в соседний зал, где был выставлен салон бальных платьев. Тася стала разглядывать белоснежные наряды и остановилась на варианте с силуэтом «русалка».

— Как тебе? — спросила она.

— Очень красиво, — оценила я вышивку на корсете. — Но, если ты планируешь танцевать с Максимом, в таком узком платье будет трудно двигаться. Тебе нужно что-то более свободное.

Щёлк!

Карина покраснела и быстро отошла к другой стойке с вешалками. Тася посмотрела на меня и шепнула: — Аня, не всё в жизни сводится к прагматизму! Может, ты просто слишком много думаешь об этом и поэтому не можешь найти себе пару?

— Тебе легко говорить, — вздохнула я, почувствовав укол обиды. — У вас с Максимом всё так просто и понятно.

— Но мы не просто встречаемся, — мягко улыбнулась Тася. — Мы гуляем, смотрим фильмы, учимся вместе. Нам просто хорошо друг с другом.

Я сморщила нос: — А мне тяжело сосредоточиться на учёбе и делах, когда вокруг столько неопределённости. Я просто хочу вернуть себе душевный покой.

Тася нахмурилась: — Что ты имеешь в виду?

— То чувство, когда ты теряешь контроль над собственными эмоциями, — тихо ответила я. — Ты же скучала по Максиму, когда вы были не вместе?

— Конечно, — ответила Тася, перебирая вешалки. — Я скучала по его голосу, по нашим разговорам, по тому, как мы вместе играли в приставку. Максим для меня — прежде всего лучший друг.

Я задумалась. Все те парни, с которыми я общалась раньше, не давали мне этого чувства глубокой привязанности. Никто из них не стал для меня настоящим другом — даже Сергей, с которым мы долго поддерживали приятельские от-

ношения.

Тася окликнула нас с Кариной, показывая на роскошное платье на другой стороне зала. Я пошла за ними, но внутри всё сжималось от неясного чувства тревоги. Неужели я упускаю что-то важное? Настоящую близость, душевное тепло, доверие...

Нет, я слишком хорошо знала парней своего круга. Они редко думают о чужих чувствах. Но где-то в глубине души мне так хотелось доказать себе, что я способна на большее, чем просто холодный расчёт. Иначе я просто сойду с ума от этих мыслей...

Гудение сушилки для купальников прерывается коротким сигналом. Из небольшого окошка я достаю свой тёмно-синий купальник — он слегка тёплый, но всё ещё влажный на ощупь. На вторую сушку времени уже нет, да и задерживать начало занятия не хочется.

Если быть честной перед самой собой... я попробовала размяться. Пыталась заставить себя плыть, но усталость накатывала волной за волной. Никакая чашка кофе и никакие усилия воли не могли вернуть мне бодрость и ясность мысли.

Мне стыдно за то, как события развивались дальше. Глеб наблюдал за мной с самого края бортика. Его пронизательные голубые глаза, казалось, замечали каждую мою ошибку, каждое неловкое движение. Глеб Вилков всегда обладал этой удивительной способностью: оставаться спокойным и неза-

метным, но при этом контролировать всё вокруг. Словно он стоял над этой шумной, суетливой толпой и просто выжидал удобного момента.

Я ненавижу это ощущение — чувство, что он снова застал меня в момент слабости. Ненавижу необходимость оправдываться и делать вид, будто всё под контролем. Мои мышцы сводило от напряжения, но я упрямо продолжала заставлять себя двигаться дальше.

Часы на стене показало ровно пять минут девятого.

Я опустилась на деревянную скамейку в раздевалке, пыталась справиться с духом. В голове то и дело всплывали советы психолога: «Если чувствуешь, что теряешь землю под ногами, найди опору. Сосредоточься на телесных ощущениях, выровняй дыхание и просто сделай шаг». Но как выровнять дыхание, когда внутри всё горит от смешанных чувств — страха, обиды и глубокого, непреодолимого притяжения?

Я тяжело вздохнула и поднялась на ноги.

«Сделай это, Аня, — приказала я себе. — Просто выйди к бассейну и сдай эти заплывы. Валерий Александрович не станет требовать невозможного, ему просто нужно увидеть результат».

Я натянула купальник. Прохладный эластан плотно облёг тело. Не обращая внимания на девчонок из младшей группы, которые шумной стайкой обсуждали что-то у соседних шкафчиков, я прошла по коридору и шагнула в гулкое, пропитанное запахом хлора помещение бассейна. На моей до-

рожке пока никого не было.

Глеб оказался последним человеком, которого я рассчитывала увидеть здесь в роли наставника. Сбросив халат на лавку, я подошла к самому краю и, не давая себе времени на сомнения, соскользнула в воду.

Вода оказалась обжигающе прохладной. Она приняла меня в свои объятия, на мгновение отогнав лишние мысли. Я сделала глубокий вдох, погрузилась с головой и начала скользить вперёд, рассекая гладь.

Но тело слушалось плохо. Руки казались тяжелыми, словно налитыми свинцом. Почему? Почему я не могу двигаться так же легко и непринуждённо, как другие? Я сделала один гребок, второй, но ногу внезапно скрутила острая судорога. В горле пересохло, а дыхание мгновенно сбилось.

Я судорожно попыталась заглотить воздух, но вместо этого зачерпнула воду ртом. Закашлялась, теряя равновесие и барахтаясь на месте. Паника мгновенно накрыла меня с головой.

Я начала погружаться на дно.

Это было глупо — детские страхи всегда возвращаются в самые не подходящие моменты. Вода смыкалась над головой, уши заложило, а лёгкие жгло от нехватки кислорода. Я видела, как вверх уходят пузырьки воздуха, а перед глазами всё темнело.

И вдруг сильные, тёплые руки уверенно подхватив меня под мышки, рывком вытянули на поверхность.

Я вынырнула, судорожно глотая воздух и тяжело кашляя. Меня крепко прижали к широкой, тёплой груди.

— Тише, Виноградова, тише... — раздался над самым ухом сиплый, но уверенный голос Глеба. — Держу. Я тебя держу.

Он увлёк меня к бортику, легко удерживая одной рукой над водой. Я судорожно вцепилась в его плечи, чувствуя, как он тяжело и глубоко дышит. Вода стекала по его светлым волосам и лицу.

— Ты совсем с ума сошла? — в его голубых глазах застыло беспокойство, смешанное с отчётливым гневом. — Зачем ты поплыла, если сводит ноги? Позвать на помощь сложно было?

— Я... я думала, что справлюсь, — пробормотала я, дрожа всем телом от холода и пережитого испуга.

— «Думала она», — буркнул Глеб, легко подсаживая меня и помогая выбраться на сухую плитку бортика. — Тебе повезло, что Валерий Александрович отлучился в кабинет, а я был рядом.

Он выбрался следом за мной, взял с лавки полотенце и заботливо накинул мне на плечи.

Я сидела на краю, поджав колени к груди, и никак не могла перевести дух. Глеб опустился рядом на корточки. Его лицо было совсем близко — так близко, что я могла разглядеть золотистые искорки в его темных радужках.

— Зачем ты вообще согласилась на эти индивидуальные

занятия? — тихо спросил он, и в его голосе больше не было привычной насмешки. — Из-за меня?

Я подняла на него взгляд: — Я просто хочу закрыть этот зачёт и забыть всё как кошмарный сон, Глеб. И ты прекрасно знаешь, почему.

— Я знаю, что между нами произошло весной, — жестко проговорил он, неотрывно смотря мне в глаза. — Но я никогда не хотел причинить тебе вред, Аня. Ты сама знаешь, что это Светлана слила те видео, а не я.

— Но ты ничего не сделал, чтобы это остановить! — вырвалось у меня. — Ты просто наблюдал со стороны!

Глеб сжал челюсти, и на его скулах заиграли желваки.

— Ты не знаешь и половины того, что мне пришлось сделать, чтобы замять тот скандал и защитить тебя от прессы и попечительского совета, — понизив голос до опасного шепота, сказал он. — Я потерял всё, Виноградова. Деньги отца, уважение, статус. Но я не жалею.

Я замерла, не зная, что ответить. В его словах звучала такая горькая, несомненная правда, что моё сердце сжалось от щемящей боли.

— Почему ты мне ничего не рассказал? — тихо спросила я.

— А ты бы стала слушать? — Глеб чуть заметно усмехнулся, но в этой улыбке не было радости. — Ты ненавидела меня. И, судя по всему, продолжаешь ненавидеть.

Он поднялся на ноги, протягивая мне руку, чтобы помочь

встать.

— Иди переодевайся, Аня. На сегодня тренировка окончена. Я скажу тренеру, что тебе стало плохо.

Я взглянула на его ладонь, затем на его лицо. Медленно вложила свою руку в его пальцы. Его ладонь была горячей и сухой, несмотря на воду. Электрический разряд, казалось, пробежал по моим нервам, заставляя сердце биться чаще.

— Завтра в это же время? — спросила я, поднимаясь на ноги.

Глеб задержал мою руку в своей чуть дольше, чем требовалось для обычной вежливости.

— Завтра в это же время, — ответил он, и в его взгляде вновь вспыхнул тот самый знакомый, манящий огонёк, от которого у меня перехватывало дыхание. — И только попробуй снова опоздать.

Глава 6

Глеб

— Вот требования для вводного занятия, — произносит тренер Валерий Александрович, делая паузу с планшетом в руках, и смотрит на мои мокрые джинсы, висящие на крючке у двери. Я сильно опоздал и просто не успел убрать лужу под ними. — Ты что, в воду упал?

— Что-то вроде того, — бурчу я, бросая полотенце поверх этой сырости. Тренер изогнул бровь, и я вздыхаю: — Вчера поздно вечером возвращался за телефоном, увидел на дне доску для плавания. Думал достать, но сорвался.

Валерий Александрович громко хохочет: — Я бы дорого дал, чтобы на это посмотреть! Надо же, сам Глеб Вилков промахнулся!

— Угу, вам смешно. Не надейтесь, что такое повторится. Он с недоверием качает головой, оставляет планшет на столе и выходит из тренерской.

Без лишних слов: меня сегодня штормит не на шутку.

По идее, я должен был лишь доказать свою правоту, утереть всем нос и закрыть этот дурацкий спор. Всё казалось проще некуда. Не нужно быть гением, чтобы понять, насколько сильно Аня Виноградова выбита из колеи и как легко подловить её на эмоциях. Давайте смотреть правде в глаза: она вся как на ладони. Её вспыльчивость, её гордость,

её вечное стремление казаться неприступной. Она отчаянно пытается выглядеть сильной, хотя внутри у неё всё трещит по швам.

Но вчера ночью во мне что-то надломилось. Все эти её упрёки о том, что у меня нет ни будущего, ни семьи, ни верных друзей... Словно она сама не имела к этому ни малейшего отношения. Мой мозг буквально разрывался между желанием раз и навсегда поставить её на место или стереть из жизни. И в итоге я подобрался к этой грани настолько близко, насколько вообще мог.

В моей жизни хватало жёстких разборок, но вчерашнее было перебором даже для меня. Я зашёл так далеко, что теперь у неё есть все козыри, чтобы уничтожить меня, если она того захочет. Настоящий подарок на блюдечке с золотой каёмочкой.

Я бы не спланировал это лучше, даже если бы старался. Когда я спускался сюда вчера поздно ночью, об Ане я вообще не думал. Я всё ещё закипал от злости после разговора с Колей и от того, что вынужден был сидеть там, давя из себя вежливую ухмылку. Этот тип обожает дергать меня за ниточки. Я спустился к бассейну только потому, что забыл телефон в верхнем ящике стола.

И тут я увидел её — во всём её отчаянном положении, когда она едва не ушла под воду.

В какой-то момент мне даже показалось, что Коля прав и я законченный сухарь. Потому что, когда я увидел, как она

тонет на глубине, первая мысль о том, чтобы броситься на помощь, возникла далеко не сразу. Досада, недоумение, легкая ирония. Ощущение абсолютной неуместности происходящего. Всё что угодно, только не страх.

По логике, мне следовало дать ей хлебнуть этой воды. Это было бы отличным уроком за её интриги и постоянное язвительное поведение. Ведь это именно она стояла за тем, чтобы сдать меня ректорату. У Светланы никогда не хватило бы духу или соображения повернуть такое в одиночку. Светлана — трусливая и ведомая, я общался с ней только для того, чтобы утереть нос брату, и подозреваю, что она пошла на это по той же причине. А вот Аня... Аня давным-давно искала повод свести со мной счёты.

И вот теперь у неё на руках все улики. След от моих пальцев на её плече, синяки на запястьях... Ей достаточно просто пройти в медпункт или пойти к руководству комплекса и заявить, что я перешёл все границы. Всё играет против меня — моя репутация, мои прошлые проступки, её видимая уязвимость.

Господи, какой же я идиот.

По крайней мере, в этом вопросе.

В животе всё сильнее крутит неприятная тошнота, и тревога никуда не исчезает. Ощущение такое, будто внутри вращаются тупые лезвия. Я только успеваю сделать пару глотков неприятного горьковатого лекарства от желудка, как лёгкий стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

На пороге стоит Аня. Выражение её лица напряжённое, закрытое. На ней всё тот же скучный закрытый купальник, что и вчера. Я не подаю вида, что удивлён, и просто жду, когда прозвучит приговор. Без вариантов — она пришла не просто так.

— Мне нужно поговорить с тобой до начала занятия, — произносит она и тянется, чтобы прикрыть дверь.

— Оставь открытой, — обрываю я. — Чёрт возьми, мне только не хватало, чтобы кто-то видел нас наедине.

— Это... — она заминается, нервно переступая с ноги на ногу, — ...личное.

— Я знаю, кто ты такая, Виноградова, и больше на твои уловки не попадусь, — говорю я жестко. — Всё кончено. Спор закрыт.

Её губы сжимаются в тонкую линию, глаза беспокойно мечутся по комнате: — Дело не в этом.

— А в чём тогда? Засомневалась по поводу вчерашнего? — спрашиваю я как можно более развязно, хотя внутри всё сжимается от напряжения. Нельзя дать ей понять, что я нервничаю. — Думаешь пойти в деканат или сразу в полицию? Мне уже ждать охрану на выходе?

— Что? — она искренне хмурится, и её непонимающий вид меня даже злит. — Нет, я... — Она сбивается, её щёки заливают румянец, а кончик носа розовеет. То ли она простыла в холодной воде, то ли едва сдерживает слёзы.

Выглядит это паршиво.

— Говори быстрее, Виноградова. Занятие через две минуты, а Адамов уже пропустил одно, — резко тороплю я её.

Снова пауза. Наконец она вздыхает: — Ладно. Я должна знать... ты сдавал анализы?

Я удивлённо изгибаю бровь: — Анализы?

Она нервно оглядывается через плечо, подступает ближе и понижает голос: — Ты ничего не сделал вчера, чтобы убедиться. Я хочу знать, нужно ли мне сдавать тесты. Ну, понимаешь, на инфекции.

Я долго смотрю на неё, не в силах поверить, что она действительно это произнесла.

— Ты серьёзно опасаясь, что я мог тебя чем-то заразить? — я выдерживаю паузу, переваривая её глупость. — Ты, человек, у которого опыта в этих делах едва ли больше, чем у школьницы, спрашиваешь меня об этом? Ты издеваешься?

Её взгляд мгновенно леденеет: — Не дерзи, Вилков. У меня может быть какая угодно репутация, но есть одно неизбывное правило: всегда думать о безопасности. Всегда.

Я с ничем не скрываемым скепсисом стучу ручкой по столешнице, и её взгляд гипнотизирует это движение. Я же прекрасно помню всё, что было прошлым вечером. Помню, как она дрожала от страха и гнева прямо на этом месте, как её захлестывали эмоции... Она была настолько зажата и напугана, что говорить о каком-то «опыте» просто смешно. Всё это чушь и попытка держать фасад.

Она моргает, встречаясь со мной взглядом: — Прошу прощения?

Я пожимаю плечами: — Ты всё равно мне не поверишь, даже если я скажу, что чист. Ты слишком мнительна. Но ты всё равно пойдёшь проверяться, так что твоё присутствие здесь — просто проверка моих нервов.

Она закатывает глаза: — Боже мой, ты можешь просто ответить на простой вопрос?

— Я регулярно сдаю медицинские тесты перед соревнованиями, — отвечаю я, игнорируя разочарование в её глазах. — А теперь, если это всё, нам пора начинать занятие. И может, объяснишь, почему на тебе опять этот убогий купальник? По-моему, мы чётко договаривались.

Её губы снова сжимаются: — У меня нет другого, понятно? Смирись с этим.

— Ложь, — отрезаю я, указывая на неё ручкой. — Если уж врешь, делай это убедительнее. Ты надеваешь его просто для того, чтобы позлить меня.

Её лицо искажает гнев: — Нет! И вообще, если тебе интересно, этот купальник закрывает куда больше, чем любой другой. Учитывая следы, которые ты оставил, тебе стоит быть мне благодарным за такую конспирацию.

Она права.

Следы и синяки.

Я подношу руку к губам, а взгляд невольно соскальзывает к её бедрам. Вчера вечером там были лишь едва заметные

тени. Но я помню тот самый первый раз пару лет назад, когда увидел её после занятий по экономике — рубашка задралась, открывая узоры из темных гематом на коже. Чёрт, тогда меня это мгновенно завело.

На коже Ани синяки остаются слишком легко.

Другого слова не подобрать.

— Покажи, — требовательно произношу я, будто находясь в тумане.

— Что? — её высокий, сорвавшийся голос мгновенно приводит меня в чувство. — Ты с ума сошел?

Я выпрямляюсь, вспоминая тёмную метку в виде дракона на её шее, которую заметил вчера. Метка «Демонов». Это значит, что она встречалась или всё ещё встречается с кем-то из той компании. Других причин носить такое клеймо нет. Это ценная информация на будущее, но прямо сейчас меня выводит из себя мысль, что я не знаю всех своих врагов.

— Марш в бассейн, — сухо приказываю я, поднимаясь с места. — И смотри не утопись на этот раз.

Она сжигает меня взглядом, но поворачивается и уходит, заставляя меня невольно смотреть ей вслед. Когда она отходит достаточно далеко, я подхожу к стеллажу и достаю маленькое диктофонное устройство, спрятанное за кубком за прошлый год. Оно ведёт запись уже двое суток — включая всё, что происходило вчера ночью.

Одно дело — говорить о каком-то пари, и совсем другое — иметь доказательства. Глупо ли поступать так, учитывая

моё условное положение? Возможно. Но я привык фиксировать все свои шаги не просто так. Ни одна девчонка не сможет подставить меня так легко, как ей кажется.

Если у Виноградовой и были какие-то коварные планы против меня, то теперь у меня есть гарантия.

И я очень надеюсь, что звук записался в идеальном качестве.

— Можете готовиться к худшему, когда они выдут на дорожку, — говорю я тренеру, который стоит неподалёку, упредев руки в бока и глядя на ребят с искренним досадой. — Руслан, сними футболку.

— Тренер сказал, что я могу заниматься в том, в чём мне удобно, — возражает Руслан.

— Серьёзно? Это он со зла сказал, — ухмыляюсь я, но глядя на то, как у парня опускаются плечи, добавляю: — Тренер имеет в виду нормальную спортивную форму, а не обычную одежду.

Аня тут же вступает за него, убирая мокрые волосы со лба: — В его футболке нет ничего плохого! Она же поверх плавок. Ты просто снова цепляешься к человеку и пытаешься его унижить!

— Тебя никто не спрашивал, Виноградова, — отрезаю я и снова поворачиваюсь к Руслану: — Снимай.

— В отличие от некоторых, я не хочу выставять всё на показ, — тихо и обиженно проговаривает Руслан. — У ме-

ня есть особое разрешение... Ты просто докапываешься до меня...

— Хочешь узнать, как чувствует себя человек в мокрой одежде в воде? — Я перевожу взгляд с парня на Аню. — Она тянет вниз, путается в ногах, мешает гребкам. Для того, кто и так едва держится на воде, это верный способ пойти ко дну.

Я снова скрещиваю руки на груди: — Так что, ты либо снимаешь футболку, либо покидаешь бассейн.

Руслан переступает с ноги на ногу, его плечи напряжены. Он надеялся, что сможет настоять на своём, но понимает, что со мной этот номер не пройдёт.

— Нет, я не буду её снимать, — наконец упрямо качает он головой.

— Мне всё равно, как выглядит твоё тело, Адамов, — сухо отвечаю я.

— Глеб, хватит! — Аня бросает на меня строгий, возмущённый взгляд. — Оставь его в покое!

— Если ты так переживаешь за закрытую одежду, можешь надеть слитный гидрокостюм, — указываю я на шкаф с инвентарём. — В нём отличная обтекаемость и полное перекрытие.

Аня густо краснеет и отводит глаза.

Руслан выглядит ещё более смущённым: — Вы что, издеваетесь надо мной?

Этот парень начинает всерьёз испытывать моё терпение.

— Давай проясним одну вещь, — говорю я, откладывая

планшет и делая шаг вперёд. — Мне всё равно, что вы обо мне думаете. Можете ненавидеть меня, можете считать монстром. Но пока я на этой дорожке, я отвечаю за дисциплину и за то, чтобы вы не утонули. Тренер доверил мне занятие, и я отношусь к этому серьёзно. Повторять не стану: тренер разрешил заниматься в удобной, но спортивной экипировке. Если тебе комфортнее в закрытом костюме — у тебя пять минут, чтобы переодеться. В противном случае — свободен.

Я сдёргиваю с шеи секундомер и с защёлкиванием сжимаю его в кулаке.

Руслан тяжело вздыхает и стремительно уходит в сторону раздевалок. Аня, поджав губы, поджимает подбородок и направляется за ним, чтобы поддержать.

Через пять минут они возвращаются. На Руслане действительно слитный спортивный костюм под плавками — выглядит немного непривычно, но парень держит подбородок высоко, бросая мне молчаливый вызов.

— Раз уж мы потеряли кучу времени, давайте начинать, — произношу я.

Я отправляю их на мелкую воду, заставляя взяться за бортик и отрабатывать удары ногами. Руслан барахтается с энтузиазмом, а движения Ани выглядят чуть более плавными, хотя усталость всё равно даёт о себе знать.

Наблюдая за ними и время от времени отдавая команды, я ловлю себя на мысли: действительно ли Аня не собирается заявлять на меня? Она всё ещё выглядит сердитой, но при

этом держится собранно. Из всех девушек, с кем меня сводила судьба, она — единственная, кто не ломается под давлением, а проявляет упрямый характер.

Все эти интриги вокруг нашего прошлого выбили меня из колеи. Оба моих бывших приятеля и Светлана пытались испортить мне жизнь, и Аня, казалось, была частью этого плана. Но смотря на то, как она упорно борется за каждый гребок, я начинаю сомневаться. Жаль только, что игра зашла слишком далеко.

После занятий я возвращаюсь из бассейна в своё скромное жильё. Прежде студгородок и наша компания казались мне центром вселенной, а теперь я чувствую себя здесь посторонним.

Голод заставляет меня выбраться из комнаты и пойти в столовую. Я поднимаюсь по знакомым ступеням, но привычного чувства принадлежности к этому месту больше нет. Студенты за столами перешептываются, глядя в мою сторону. Мой взгляд невольно падает на центральный стол — место, где раньше собиралась наша элита, клуб «Демонов». Сейчас там пусто.

— Глеб, ты выглядишь потерянным, — раздаётся голос преподавательницы Розановой, за преподавательским столиком. — Присядешь?

Я неохотно опускаюсь на свободный стул рядом с ней и коллегой. Вокруг шумят студенты. За соседним большим столом расположилась компания парней из спортивной сек-

ции, а чуть дальше я замечаю новую фигуру.

Высокий, подтянутый парень с резкими чертами лица уверенно шагает через зал и направляется прямо к столику, где сидят Аня, Тася и Карина.

— Кто это? — невзначай интересуюсь я.

— О, это Олег Белых, — отвечает Розанова. — Перевёлся к нам из другого корпуса.

Парень открыто улыбается Ане, а она отвечает ему мягкой улыбкой, наклоняясь ближе. Его взгляд на мгновение соскальзывает на её плечи, и внутри меня мгновенно закипает раздражение.

Я доедаю в полном молчании, встаю и выхожу из столовой. Мои ноги сами несут меня через весь академический двор к старой кирпичной башне — месту, которое студенты называют Башней Демона. Солнце уже садится, отбрасывая длинные тени на старинную кладку.

Поднимаясь по узкой деревянной лестнице, я ощущаю знакомый запах сухой древесины и пыли. Именно здесь, на верхней площадке, на массивных балках вырезаны инициалы членов нашего закрытого братства. Настоящая традиция, которая передавалась из года в год.

Я подхожу ближе и разглядываю тёмное дерево. Вот знаки прошлых выпускников, вот инициалы моих бывших друзей... И совсем свежая резьба — буквенные знаки, которые я раньше не замечал.

Мысль о проделках Ани снова возвращается, но затем пе-

реключается на её брата. Неужели они действительно приняли этого парня в свои круги?

Внезапно снизу доносится тихий скрип дверных петель. Эхо шагов раздаётся на первом этаже. В башне есть только одна закрытая дверь, ведущая в старый архив. Я тихо спускаюсь и дергаю за ручку, но она заперта. Возможно, мне просто показалось.

Я выхожу из башни и иду обратно по внутреннему двору. На улице уже почти стемнело. Возле скамейки под фонарём я замечаю Аню, Карину и Олега. Они рассматривают что-то в телефоне Олега и весело смеются. Аня закидывает голову, и её искренний, звонкий смех разносится по тихой аллее.

Смотреть на это невыносимо. Я слишком хорошо помню, как ещё вчера она дрожала в моих руках, как ловила каждый мой взгляд и выдох. Помню, как мне хотелось защитить её и одновременно прижать к себе, заставив забыть обо всём на свете.

И если сейчас ей кажется, что она может просто так перешагнуть через всё, что было между нами, и смеяться в компании другого... Что ж, она глубоко ошибается. Я не намерен отступать.

Стоило мне шагнуть за порог клуба «Аид», как внутри всё наконец улеглось. Я снова почувствовал себя в своей тарелке, будто вернулся в собственную кожу. Вчерашняя ночь была первой за долгое время, когда я оставил заведение на

своих ребят — с тех самых пор, как дядя Геннадий решил устроить себе временный «офис» прямо в моей VIP-зоне. Сама мысль об этом заставляла меня дергаться и стискивать зубы от досады.

Костя встретил меня на входе быстрым, крепким хлопком ладонью о ладонь.

— Ещё как поднялись, — процедил он, с сочувствиемглянув на меня. — Гена со своей шайкой наверху.

Я ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул и прошёл вглубь задымлённого зала. По вторникам народу у нас обычно немного, поэтому найти Гену и его шестёрку, вальяжно развалившихся в мягкой ложе на балконе, не составило никакого труда. Они смотрелись здесь как бельмо на глазу — в своих дешёвых, кричащих костюмах, которые изо всех сил пытались сойти за элитный пошив. Это были далеко не суровые и молчаливые воротилы старой закалки, к которым привык мой отец. Никакого дорогого табака или коллекционного коньяка — просто дворовые паркетные хищники, изо всех сил играющие в опасных боссов и донашивающие чужие повадки.

Гена встретил меня скользкой, маслянистой ухмылкой и протянул широкую ладонь.

— А вот и наш маленький принц пожаловал! — с фальшивым радушием пробасил он.

Вместо рукопожатия я достал из кармана чёрную флешку и подбросил её на ладони, заставив его глазки жадно блес-

нуть.

— Вот это, — сказал я, чуть качнув накопитель между пальцами, — сшибает ровно половину моего долга.

Его приторная ухмылка тут же сменилась тяжёлым, въедливым взглядом.

— Так ты всё-таки дождал эту недотрогу?

— Всё ровно так, как я и говорил, — я пожал плечами и вальяжно скользнул на диван напротив него, крутя флешку между пальцами с ловкостью фокусника. — Компромат у меня. Всё зафиксировано.

Он протянул свою клешню, намереваясь цапнуть флешку, но я мгновенно сжал кулак и убрал руку.

— Не торопись, дядь Ген. Своим нужно делиться, но не в этом случае. Я не дам этой записи уйти «в народ». Забыл, что у меня и так уже висит два предупреждения за сливы видео в сеть? Еще одного скандала я не переживу.

Гена изогнул редкую бровь, недоверчиво прищурившись: — И я должен верить тебе на слово, Глеб?

Я сделал знак подошедшей Тамаре, давая понять, что мне нужен напиток, а затем перевёл взгляд на ростовщика: — Посмотрим вместе. Позже, без свидетелей и без лишних телефонов.

Он снова оскалился, но спорить не стал: — Ладно, будь по-твоему. Хитрый ты жук.

Пряча флешку обратно в глубь кармана, я ощутил странный укол тревоги — всё складывалось слишком гладко. Гена

медленно отпил из своего бокала с дешёвой водкой, не сводя с меня липкого взгляда, а затем, словно между прочим, махнул рукой в сторону, подзывая троих своих подручных.

Это плохой знак. Гена зовёт одного амбала, только когда пахнет жареным, но сделка ещё терпит. Один человек — это просто сила. Два — важный разговор. А тут он зовёт сразу троих... Ставки взлетели до небес.

Чёрт бы тебя побрал, Гена.

Я смерил холодным взглядом одного из приближающихся «быков» по кличке Грязный — парня, который полностью оправдывал своё прозвище как внешне, так и душой.

— Ты подзываешь их, чтобы спросить, умывался ли Грязный хотя бы в этом месяце? — бросил я с ленивым презрением. — Потому что шансы у него так себе.

Они с гулом завалились в ложу. Грязный грузно плюхнулся прямо рядом со мной, вынуждая меня брезгливо отодвинуться к самому краю и едва заметно скривить губы.

— Думаю, этот расклад тебе понравится, Глеб, — ухмыльнулся Гена, довольный произведённым эффектом. — Всё, как ты любишь: азарт, высокий риск, интрига и отличный куш.

Я постарался сделать максимально равнодушное лицо, хотя внутри всё сжалось: — Я больше не играю.

Гена посмотрел на мой карман, где пряталась флешка, и раскатисто хохотнул, поднимая свой стакан: — Ну да, конечно! Хорошая шутка, оценил.

— Это не шутка, — сухо отрезал я.

Он хлопнул ладонями по столу, всплеснув руками: — Ой, да ладно тебе! Завязать он решил... Все вы так говорите перед очередным заплывом. — Гена переглянулся с Грязным и с показушным вздохом продолжил: — Тебе не о чем переживать, Вилков. Это даже не совсем пари. Скорее... небольшое поручение. Деловое предложение.

— У меня уже есть работа, — я строго перебил его, скрепив руки на груди. — Даже две, если ты забыл. И я не один из твоих дворовых шестёрок. Я уже покрыл половину своего долга, да ещё и с клуба ты ежемесячно снимаешь по миллиону наличными. Мне осталось отдать четыре миллиона, и к зиме я полностью перекрою эту дыру.

Гена театрально нахмурился, качая головой: — Ты даже не спросил, какой куш тебя ждёт на финише! Неудивительно, что ты просадил целые десять миллионов и оказался в такой глубокой яме. Ты совершенно не умеешь вести бизнес, парень.

— Мне всё равно, — соврал я, даже не моргнув.

Была веская причина, почему я никогда не хотел знать размер «награды» — финал всегда затуманивал разум. Он был слишком заманчивым. Некоторые считали меня игроманом, но они ошибались лишь наполовину. Меня манил не сам процесс игры. Меня пьянила победа. Власть. Ощущение того, что ты сделал верный ход и смотришь, как твой противник медленно идет ко дну. Я уже знал, что Гена проигра-

ет. Я выплачу ему всё до единой копейки и даже процента лишнего не отдам.

Но я должен был догадаться, что он так просто не отвяжется.

Он долго и въедливо смотрел на меня, просчитывая что-то в своей хищной голове.

— А что насчёт неё? — вдруг тихо спросил он. — Насчёт этой девчонки... Ани Виноградовой?

Я нарочито скупающе отвёл взгляд в сторону: — А что Виноградова?

— Виноградова... — повторил Гена, словно смакуя эту фамилию. — Надо же, какая удача! Её папаша, Илья Виноградов, как раз сейчас разворачивает свою предвыборную кампанию. Метит прямиком в депутаты Законодательного Собрания края. — Он повернулся к Грязному и с ухмылкой пояснил: — Уважаемый человек, большие деньги, высокий пост... Настоящая золотая жила.

Я выдохнул короткий, лишённый веселья смешок и качнул головой: — Так вот почему ты так допытывался, смогу ли я подобраться к ней поближе... Ну конечно. Кто бы сомневался.

Гена оживился, его брови заходили ходуном: — Считай это маркетинговым исследованием! Раз уж нам выпал такой шанс, было бы глупо им не воспользоваться. — Его лицо мгновенно изменилось, став жестким и цепким. Вся наигранная доброта слетела за секунду. — Подберись к этой дев-

чонке поближе. Найди на её папашу хороший компромат — и я полностью спишу твои долги. И клуб останется за тобой. Более того, я верну тебе те деньги, что уже забрал из твоей выручки. И даже не заставлю показывать то видео, что ты записал.

— Господи... — выдохнул я, закидывая голову назад. — Аня и её брат даже не живут дома. Они оба учатся на полном пансионе в нашей элитной «Академии Олимп».

— И кто ещё из наших знакомых живет в этом пафосном заведении для мажоров? — Гена хмыкнул, задумчиво потирая подбородок. — Ах да, точно! Ты. Да это же прямой доступ ко всем семейным тайнам двадцать четыре на семь! Уж ты-то точно сможешь вынюхать всё, что нужно.

В этой игре Гена не мог проиграть. Ни при каких раскладах. Либо я ничего ему не достаю, и он забирает мой клуб за долги, либо я приношу ему грязь на Виноградова, и он проворачивает аферу куда крупнее. Во рту появился тошнотворный, горький привкус. Никакого спортивного интереса. Никакого чистого азарта.

— Мы с Аней терпеть друг друга не можем, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза. — Я не смогу к ней подобраться.

Гена громко фыркнул: — Слушай, Вилков, если ты смог затащить её в постель, значит, сможешь и подружиться. Молодые девчонки быстро привязываются, если правильный парень проявляет к ним немного внимания. Тебе просто нужно включить своего «прекрасного принца».

На этот раз я разразился искренним, хотя и мрачным смехом: — Ты вообще ничего о ней не знаешь, дядь Ген. Она совершенно не из таких.

— Возможно, — легко согласился он, и в его глазах блеснул опасный огонёк. — Зато ты её знаешь.

Моя улыбка тут же погасла, а губы сжались в узкую линию. Для Гены здесь действительно не было риска. А для Ани? Если я соглашусь и пойду до конца, я легко могу представить, чем это закончится. Она станет причиной краха собственной семьи. Все отвернутся от неё. Репутация будет уничтожена навсегда. Она станет такой же изгоем, как и я. И всё только потому, что не смогла устоять перед парнем, которого считает самым невыносимым человеком на свете.

Вот она, настоящая цель. Точный контрольный выстрел.

— К чёрту всё, — я дернул плечом и приподнял свой стакан. — Погнали. Почему бы и нет?

Самым паршивым была его реакция — Гена просиял с злой, торжествующей ухмылкой.

— Ну, за успешное сотрудничество! — провозгласил он, подзывая шестёрку.

Они со звоном сдвинули свои бокалы, и я с неохотой прикоснулся своим стеклом к их посуде.

Я сделал глубокий глоток, уже точно зная: я найду способ сделать так, чтобы проиграл и он тоже. Теперь я понимал, почему чувствовал себя таким потерянным в последнее время. Вся эта система власти, все эти иерархии... Дядя Гена,

Белых, Аня Виноградова. Они думают, что именно они держат за ниточки и управляют моей жизнью.

Но это не так. Со времён школы мне ничего не давалось просто и понятно. Всё смешалось, превратившись в хаос, где каждый пытался выкарабкаться наверх без какого-либо плана. Это не похоже на наш закрытый орден «Демонов», где для каждого из нас с самого первого дня было уготовано своё почётное место. Взрослая жизнь оказалась просто трухлявой, гниющей доской, на которой ещё никто не выжег моё имя. И никто не собирался делать это за меня.

Значит, мне придётся вырезать его самому.

Глава 7

Аня

Каждый раз, когда в моём шкафчике в коридоре появляется этот знакомый фирменный чёрный конверт, у меня по коже пробегает сухая дрожь, а волосы на затылке встают дыбом. Я невольно замираю и нервно оглядываюсь по сторонам, всматриваясь в бесконечную вереницу академических коридоров. Я так до сих пор и не узнала, кто именно присылает эти конверты. С самого начала я свято верила, что за этим стоят те самые таинственные люди в масках, которые принимали нас в наше тайное общество в прошлом году. А может, всё это время их отправлял кто-то один из них.

И хотя нас осталось всего трое, мы по-прежнему строго придерживаемся правила подниматься в Башню поодиночке. Но сейчас мне точно не до соблюдения вековых ритуалов. Я быстро преодолеваю пыльные пролёты старой крутой лестницы, вынужденная опираться на деревянные перила. Шагать приходится гораздо медленнее, чем обычно: бёдра и плечи до сих пор ноют от адской боли. Я из всех сил стараюсь не думать об этой боли — и уж тем более о том, как именно я её получила... хотя это чертовски трудно. В голове крутится лишь одна тревожная мысль: я всё ещё с замиранием сердца жду звонка от своего врача с результатами анализов.

«Что же на самом деле произошло с Глебом?..»

«Проявления безрассудства и опасные импульсивные поступки вроде незащищённых контактов...» — именно так охарактеризовала моё поведение психолог, у которой я наблюдалась. Тогда, на приёме, я лишь мысленно отмахнулась от её слов. Подумаешь, экая важность! К тому же у меня периодически случаются эмоциональные срывы, когда всё валится из рук. Интимные связи для меня — это просто лёгкий способ сбросить накопившийся стресс, своеобразный клапан для выпуска пара. Перезагрузка, которая всегда срабатывала. Я ведь всегда была умницей, осторожной и рассудительной девушкой... Всегда.

До сегодняшнего дня.

Я первой поднимаюсь в наше тайное убежище в Башне. Подойдя к небольшому столу, за которым Тимур обычно проводил наши собрания, я замечаю странную записку.

«Вас осталось всего трое. Внутри этого конверта лежит флешка — единственная сохранившаяся копия ваших признаний при посвящении. Уничтожьте её или сберегите. Теперь вам решать, как переписать правила и пополнить наши ряды. Выбирайте мудро. Ошибётесь — и пеняйте на себя. Выберите достойных. Судьба «Демонов» теперь целиком на вашей совести».

Сзади раздаётся едва слышный шорох тихих шагов, и в дверном проёме появляется Карина. Подняв над головой записку и флешку, я поясняю: — Похоже, нам оставили инструкции.

Карина замирает на месте и пристально всматривается в крошечный чёрный пластиковый прямоугольник у меня в руке. — Это что... то самое?

— Наши откровения, — киваю я и переворачиваю флешку на ладони. — И если верить записке, это единственный существующий экземпляр.

— Как думаешь, кто её оставил?

Я неопределённо пожимаю плечами, пытаюсь казаться абсолютно спокойной и безразличной: — Чёрт его знает.

Карина медленно подлипает ко мне ближе, внимательно сканируя моё лицо, а затем её взгляд останавливается на моём лбу: — Эй, да что с тобой такое? Почему ты на меня так смотришь? Опять ходила в бассейн? — Она чуть наклоняет голову, разглядывая меня с искренним замешательством. — Ты выглядишь... с одной стороны, невероятно свежей и отдохнувшей, а с другой — будто проплакала всю ночь напролёт.

Я еле подавляю нервный смешок. Что ж, это довольно точно описывает тот разброд и шатание, что творятся у меня в душе. То, что произошло с Глебом Вилковым, было чистой воды безумием. Безрассудным, импульсивным и граничащим с причинением вреда самой себе. Настоящий эмоциональный срыв. Вернувшись в свою комнату, я два часа просидела на кровати, уставившись в одну точку, не в силах даже взглянуть на собственное тело и на те следы, что он на мне оставил. Я даже заставить себя поесть не могла — тошнота

подступала к горлу от одного только чувства стыда и вины. А когда я представляю, какими глазами на меня посмотрел бы Сергей... Или Тая... Да меня просто сжирает ужас при мысли о том, что они могут обо всём узнать! Мне хочется провалиться сквозь землю и сгореть со стыда.

И всё же... Несмотря ни на что... Несмотря на всю эту дикость... Я никак не могу выбросить Глеба Вилкова из своей головы.

Господи, а ведь он чертовски хорош собой. Настоящий порочный красавец. О таких роковых и опасных мужчинах поэты Серебряного века слагали свои самые тёмные, драматичные стихи. Но не могу же я признаться в этом девчонкам! Они же меня просто на куски разорвут.

— Та-а-ак, всё намного проще, — выдавливаю я из себя максимально непринуждённый тон. — Глеб — редкий мерзавец, и Бог свидетель, он точно не облегчит нам жизнь. Но мне кажется, я справлюсь. В конце концов, после общения с нашей краевой элитой меня уже трудно чем-то испугать.

— Серьёзно? — Карина скептически приподнимает бровь, и на её лице расплывается сдержанная ухмылка.

— Абсолютно, — резко чеканю я. — Так, ближе к делу. Даже если Глеб со своими хамскими замашками не способен нормально разговаривать, директор хотя бы попытался быстро всё замять, едва понял, что Глеб опять взялся за старое. Мне кажется, директору не всё равно. Ну или он просто не хочет лишних проблем, в чём я его прекрасно понимаю.

Карина сочувственно вздыхает, глядя на меня с лёгкой грустью: — И всё-таки ты плакала. Эта записка и твои вечные переживания... У тебя нос всегда краснеет, как у деда мороза, когда ты поревешь, и никаким тональником это не замажешь.

— Да ерунда — это всё, — я закатываю глаза и отмахиваюсь. — Девичьи нервы, усталость и глупые сплетни в коридорах. Обычная перегрузка.

Карина смирила меня долгим, слишком внимательным взглядом, который мне совсем не понравился. Готова спорить, она уже в курсе тех шепотков, что ползут за моей спиной по всей академии.

В этот момент дверь снова скрипит, и в комнату, неуклюже переставляя ноги, заходит Тая. Она обводит озадаченным взглядом полупустое помещение Башни и вздыхает: — Да уж... Ну и атмосфера.

— Нас осталось всего трое, — говорит Карина, усаживаясь на своё привычное место. — М-да, мужского общества нам теперь явно будет не хватать.

Тая, расскажи мне лучше ты!

Тая присаживается на один из свободных стульев и вопросительно кивает на бумажку у меня в руках: — Это ещё что такое?

— Послание от «анонима» — от того, кто сейчас дергает за ниточки в этом шоу, — объясняю я и зачитываю записку вслух, после чего показываю им флешку. Достав из сумочки

блокнот и ручку, я добавляю: — Похоже, нам нужно набрать новую команду «Демонов». Есть идеи?

— Ну, если брать по праву преемственности, то Кирилл учится на втором курсе, — размышляет Карина. А Кирилл, между прочим, её родной брат. — Он играет в хоккей и довольно популярен среди парней. Правда, не такой отчаянный, как ты, и, как по мне, не такой интересный.

Я записываю его имя в блокнот, но тут же добавляю от себя: — Слушайте, в правилах ведь нигде не сказано, что «Демонами» обязательно должны быть только парни.

Карина задумчиво прищуривается: — А это могло бы быть любопытно... — Мы обмениваемся быстрыми, понимающими ухмылками: — Хотя, если честно, мне бы очень хотелось пригласить Руслана Адамова.

— О-о-о! — Тая радостно хлопает в ладоши. — Однозначно «да» за Руслана! Он такой милашка! И вообще не похож на этих пафосных плохих парней.

— Зато он точно не «девчонка-недотрога», — с легким смешком замечает Карина. — А если серьёзно, парни нам в любом случае понадобятся. Помните наши ритуалы и испытания?

— Толково мыслишь, — соглашаюсь я, отказываясь от мысли делать исключительно женский состав. С кивком я вношу имя Руслана в список: — Мы можем просто давать кандидатам выбор — хотят они быть в основном составе «Демонов» или просто помогать нам.

— А как насчёт новенького, Олега? — подаёт голос Тая, и её глаза загадочно блестят.

Карина слегка гладит пальцами свои французские косички и смущённо улыбается: — А он... ну, вполне симпатичный, правда?

Я удивлённо смотрю на неё. За всё время нашей учёбы я, кажется, ни разу не видела, чтобы Карина проявляла к кому-то подобный искренний интерес. — Ого, ну надо же! Оказывается, у нашей Карины есть чувства! Ну да, согласна, парень действительно ничего так.

— Говорят, он сын директора Белых, — подхватывает Тая. — Разве такой блат нам не пригодится?

— Может быть, — я задумчиво стучу ручкой по подбородку. — Давайте разузнаем о нём побольше. Вдруг он окажется отличным прикрытием.

Улыбка Карины тут же гаснет, и она серьёзно качает головой: — Нет, девчонки, я не могу так рисковать в этом году. Только не перед поступлением в университет! Мама и так мне всю плешь проела из-за этих ранних заявок. Мне меньше всего нужны проблемы с дисциплиной только потому, что мы позвали в компанию не того человека.

Я смотрю на неё и понимаю: она рассуждает головой, а не эмоциями. И в этом её главная сила.

— Все кандидаты пройдут самую жестокую проверку, — уверяю я её. — Кого ещё позовём? Нам нужно ещё пару человек.

Следующие десять минут мы накидываем варианты: Борис Смирнов, Костя Медведев, Петя Новиков... Тая неожиданно предлагает: — А что насчёт Алисы и Аллы?

— Ты смеёшься? — я ошарашенно вылупливаюсь на неё. — Они же с Аллой не разлей вода!

— Ну и что? — парирует Тая. — Алла — чирлидерша, учится на курс младше. И при всей своей дружбе с Алисой, когда у той начались непонятные терки с Глебом, Алла мгновенно от неё открестилась. Она даже хотела бросить секцию, так что душой её точно не назовёшь.

Тая сохраняет невозмутимое выражение лица, пока не переводит на меня лукавый взгляд: — А как насчёт твоей новой соседки по комнате?

— Жанна? — срываюсь я. — Ты серьезно?

— Она симпатичная, — пожала плечами Тая. — Я видела её оценки — одни пятёрки, соображает отлично. Ну и богатая, само собой...

— Вот именно, — хмурюсь я. — Она из Воробьёвки. Настоящая провинциальная мажорка. В «Олимпе» всего несколько дней, а уже строит из себя неприступную недотрогу. С какой стати ей хранить верность нашему ордену? Если она пронюхает про «Демонов» и побежит закладывать нас руководству, нам всем настанет крышка!

Мы молча смотрим друг на друга, понимая всю сложность ситуации.

— Да уж, попали, — вздыхает Тая.

— Полные идиоты! — соглашаюсь я. — И как только нам доверили набирать новый состав?

— Проблема в том, что мы ищем не там, — задумчиво произносит Карина. — Нам нужны надежные, верные люди, а мы вспоминаем только о наших грехах. Помните ту самую первую ночь? Нам казалось, что мы окружены лгунами и лицемерами. Но именно наш общий секрет, наша прошлые ошибки и сплотили нас.

Карина улыбается, и Тая кивает в ответ: — Значит, хватит искать идеальных кандидатов. Нужно искать идеальных «Демонов». А это далеко не одно и то же.

— Точно, — выпрямляется Тая. — Пора спрятать личные обиды подальше.

— Согласна, — я киваю. — Мы смотрим на ситуацию под неправильным углом. «Демонам» нужны дерзкие, бесстрашные и стойкие парни. Те, кто не боятся вляпаться в неприятности и имеют хоть какую-то репутацию. Если бы Тимур или Сергей были здесь, они бы давно подсказали нам пару имен. Но их нет. И знаете... мне кажется, в академии есть один человек, который идеально подходит на роль «Демона» ... Ну, с определёнными оговорками.

— Кто? — хмурится Тая.

Но Карина сразу понимает, о ком я: — Глеб? Ты это сейчас серьёзно? Он же буквально разрушил наш прошлый состав!

— Нет-нет, я знаю, знаю! — быстро поправляюсь я, пыта-

ясь загладить вину. — Я сама не понимаю, зачем это сказала.

Но в глубине души я знаю причину. Я знаю свои слабости и пороки. Мой психолог была права: меня тянет к опасности. Если бы кто-то сказал мне пару дней назад, что я буду защищать этого парня, я бы рассмеялась ему в лицо. Но мне нужно было понять, с кем я имею дело — смог ли Глеб выстроить вокруг себя непробиваемую стену или я всё же задела его за живое. И ответа на этот вопрос у меня пока нет.

И именно в этот момент я с ужасом осознаю: я просто ищу любой предлог, чтобы снова поговорить с ним. Быть рядом с ним. Снова почувствовать эту опасную грань...

Господи, какая же я дура.

— Я знаю, что ты ходишь с ним на тренировки в бассейн, — предостерегающе говорит Тая. — Но я бы не советовала тебе крутиться возле Глеба. Он слишком хитер, манипулятивен и скользок. Я ему не верю.

— Я тоже, — киваю я, хотя прекрасно понимаю: мой выбор сходить к нему в кабинет вообще не имел отношения к доверию. Просто такие парни, как Глеб, привлекают именно своей опасностью. Это чистая психология.

Тая и Карина слишком правильные, чтобы понять это.

— Ты права, — с улыбкой говорю я Тае. — Нам лучше дергаться от каждого шуршания, чем подпускать его близко. Лучше точно знать, где он и чем занят, чем гадать, кто станет его следующей жертвой.

— Это разумно, — подводит итог Карина. — У вас с ним

сложное прошлое, и никто не осудит тебя за то, что тебе неуютно рядом с ним. Я всё же думаю, что лучше держать его на расстоянии.

Она забирает у меня блокнот и начинает аккуратно переносить наши варианты. Вместе мы набрасываем ещё несколько имён и договариваемся встретиться через пару дней, чтобы сравнить списки и утвердить финальный состав.

— А с этим что делать? — Карина указывает пальцем на чёрную флешку.

Тая переводит взгляд на меня: — У меня и так проблемы с этими успокоительными, так что терять мне особо нечего. Выбирайте сами.

Улыбнувшись, я смотрю на Карину: — Думаешь о том же, о чём и я?

— Уничтожить её?

— Именно! — я оглядываюсь по сторонам в поисках подходящего места. — Но не носить же её с собой, пока мы всё не обустроим.

Я подхожу к старому неприметному жестяному сундучку из-под сладостей — секретнику «Демонов» — и прячу флешку глубоко вовнутрь.

Запирая Башню и спускаясь вниз тем же путём, по одному, я ловлю себя на мысли о том, как я рада, что у нас всё ещё есть наше тайное общество — пусть даже перед нами стоит почти невыполнимая задача. Потому что, если я хочу выбросить Глеба Вилкова и всё, что между нами произошло,

из своей головы, мне понадобится как можно больше отвлекающих факторов.

— Виноградова! — рывкает Глеб, и его ледяные синие глаза едва скользят по мне. — Плыви в дальний конец бассейна и отработай держание на воде. Адамов, а мы с тобой пока разберёмся с этим недоразумением, которое ты называешь плаванием.

Руслан бросает на меня умоляющий взгляд — меньше всего на свете ему хочется оставаться наедине с Вилковым. Я сочувственно улыбаюсь ему в ответ. Глеб сегодня просто не в духе... То есть, планка его паршивого настроения и так обычно под потолком, но сейчас он выглядит дерганным и крайне нетерпеливым.

Я медленно гребу к глубокой части бассейна, чувствуя, как вода становится всё прохладнее. Если я надеялась, что ночное происшествие и страх утонуть принесут мне какое-то волшебное озарение или избавят от фобии, то я жестоко ошиблась. Напротив, теперь всё заставляет меня нервничать ещё сильнее.

Абсолютно всё.

Чуть не утонула. Поведение Глеба. То, что произошло между нами ночью... То, что я согласилась на это. Страх ждать результаты анализов из клиники. Параноидальная мысль: а вдруг кто-то видел? Постоянное чувство стыда и вины перед Таей за то, что приходится притворяться свято-

шей. И эта резинка от купальника, которая натянута так, что уже почти не держит.

Щёлк! Щёлк!

Всё это закружило меня в безумном пике. Но Тая права: я всего лишь человек. Ничего неисправимого не произошло. У меня просто была секунда слабости. Но кто сможет меня за это осудить?

Я делаю глубокий вдох, когда ноги перестают доставать до дна, и отчаянно барахтаюсь, пытаюсь удержаться на плаву. Судорога моментально сжимает горло. Паника накатывает волной, и я начинаю беспорядочно колотить руками по воде, уходя под воду. В последний момент пальцами удаётся зацепиться за холодный кафельный бортик. Я зависаю на нем, тяжело и часто дыша, отхаркивая воду. Пугливо бросаю взгляд на Руслана и Глеба, но, к счастью, ни тот, ни другой на меня не смотрят. Меньше всего мне нужно, чтобы Вилков понял, насколько я не готова к этим занятиям. Держится на воде даже первоклассник! Стыдоба...

Капли воды падают на мою руку. Я поднимаю голову и вижу незнакомого парня.

— Помощь нужна? — улыбается он белоснежной улыбкой. В его светлых глазах пляшут озорные искорки. Я готова отдать всё на свете, чтобы выбраться из этой воды.

— Немного... — выдавливаю я, мечтая только о сухой суше.

Он протягивает мне широкую ладонь и одним легким

движением вытягивает меня на бортик, играя бицепсом. Я немного оступаюсь, и он подхватывает меня за талию, удерживая от падения.

— Я Женя, — представляет он, откидывая мокрые волосы с лба.

Щёлк! Щёлк!

— Привет, Женя. Я Аня.

Его зелёные глаза искрятся отблесками воды: — Ты же знаешь Костю Медведева, да?

Я чуть наклоняю голову, пытаюсь вспомнить: — Ну... Да, вроде пересекались. Вы друзья?

Он неопределенно пожимает плечами, а я бегло осматриваю его подтянутый кубиками пресс. *Щёлк!* И как это я раньше его не замечала? — А ты с какого курса?

— Я первокурсник, — слегка смущается он.

Что ж... *Щёлк!* Теперь понятно.

Не успеваю я ответить, как над сводами бассейна разносится громовой, знакомый до боли голос:

— Виноградова!

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. К нам тяжелым, уверенным шагом направляется Глеб, нацепив свою самую мрачную и хищную физиономию. Женя тут же отдёргивает руку и отступает на шаг, а Глеб даже не достаивает его взглядом, обращаясь только ко мне:

— Раз уж у тебя нет никакого желания учиться плавать, останешься после уроков и выдраишь тут всё до блеска.

Он указывает подбородком на инвентарную подсобку, где на полу валяются разбросанные ласты, доски и сетки: — Всё вот это, плюс фильтры, раздевалку и душевые.

У меня отвисает челюсть: — Но это же последний урок на сегодня! Я тут до самого вечера провожусь!

— И что? — абсолютно равнодушно отрезает Глеб.

У меня были планы на вечер с девчонками! В мои планы точно не входила уборка этой чёрной дыры отчаяния, в которую превратилась раздевалка «Олимпа»! Какого черта?!

— Вилков, я вообще-то тренировалась! — я ищу глазами Женю, чтобы он подтвердил. — Можешь у Жени спросить...

Но в этот момент тренер Валерий Александрович дает громкий свисток, и Женя вместе с остальной группой быстро растворяется в направлении раздевалок. Спасибо, первокурсник, выручил! Даже Руслан успел сбежать. Впрочем, его я не виню.

— Займись делом, — бросает Глеб, перешагивая через огромную лужу.

Я разглядываю этот бардак. Пол завален снаряжением. Это самая паршивая работа в мире.

— Ты же это специально делаешь, да? — рывкаю я ему в спину, шлёпая голыми пятками по влажной плитке.

— Что «это»? — он поворачивается ко мне, его светлые волосы еще влажные после заплыва. — Исполняю обязанности?

— Строишь из себя последнего козла!

Глеб мгновенно оказывается рядом, его желваки ходят от злости: — Этот урок нужен для того, чтобы научиться плавать, а не для того, чтобы ты флиртовала с малолетними мальчиками.

Я ошарашенно хлопаю ресницами: — Ты кукухой тронулся? Ты разозлился просто потому, что кто-то проявил ко мне немного внимания?!

— Разозлился? — он издевательски выгибает бровь. — Чтобы я разозлился, мне должно быть не всё равно. А мне просто нужно, чтобы ты была сосредоточена на занятии, а не выставляла свои прелести напоказ перед каждым встречным парнем.

— Ах, так ты у нас теперь блюститель морали? Не то чтобы я собиралась мутить с Женей, но это уже вопрос принципа!

Глеб тычет пальцем мне в грудь, прямо над вырезом купальника: — Ты здесь для того, чтобы учиться, а не искать себе кавалеров. Это моё время. И не смей тратить его впустую. — Он разворачивается к открытой двери подсобки. — И вообще, я твой наставник. Пора бы проявлять хоть немного уважения.

— Ты смеёшься надо мной, да? — я издаю нервный, истеричный смешок. — Уважения?! В этом мире нет человека, которого я уважала бы меньше, чем тебя, Вилков. И ты это прекрасно знаешь. Ты просто хочешь передо мной выслужаться и выставить меня душой! Тебе доставляет удоволь-

ствие унижать меня!

Глеб останавливается у стеллажа в глубине подсобки и медленно поворачивает голову. Его глаза темнеют: — Ты слишком много о себе думаешь, Виноградова. Я здесь для того, чтобы научить тебя держаться на воде, и я не смогу этого сделать, пока ты страдаешь ерундой. Так что да, речь идет об уважении к моей власти — нравится тебе это или нет. — Он делает паузу, сканируя меня сверху донизу. — Если, конечно, ты не хочешь отработать свой долг как-то иначе...

Я замираю. Пальцы сжимают резинку купальника. — Что ты сказал?

Глеб делает шаг вперед, заманивая меня вглубь полутемной подсобки. — Не притворяйся дурочкой, Красная Шапочка. Ты отлично меня слышала.

Он возвышается надо мной, заслоня свет из коридора. — Ты снова пришла на занятия в этом откровенном купальнике, хотя я просил тебя так не делать.

Щёлк!

— Ты же сам только что обвинял меня в том, что я флиртую с парнями! — я пытаюсь сглотнуть подступивший к горлу ком. Сердце начинает бешено колотиться, а между ног разливается знакомое, опасное тепло. Неужели этот купальник действительно делает меня доступной в его глазах?

Глеб чуть наклоняет голову, не сводя с меня темного, гипнотизирующего взгляда: — Я дал тебе распоряжение, а ты его нарушила.

— Я должна в нем ходить! — голос прерывается, я чувствую себя загнанной в ловушку. — Пока что.

— Почему?

Его глаза опускаются ниже — по шее, к груди и далее к бёдрам. — Тебе ведь не нужен этот неопытный первокурсник, верно? Мы оба прекрасно знаем, чего ты хочешь на самом деле.

У меня прерывается дыхание. Потому что... он прав. То, что произошло между нами, было безумием и ошибкой, но прямо сейчас, глядя в его холодные, властные глаза и чувствуя запах его одеколона и хлора, я хочу повторения. Моё тело предательски ноет, требуя его прикосновений.

— Нет... — шепчу я, пробуя отступить, но упираюсь спиной в стеллаж. — Я не могу, Глеб.

Мне нужно вспомнить всё остальное. То, как я не могла смотреть на себя в зеркало. Синяки на бедрах. Тот панический страх, что нас раскроют.

— Это просто сделка, Виноградова, — его голос звучит обманчиво мягко, но в нем слышится сталь. — Ты можешь убрать весь бассейн и раздевалки... или можешь доказать моё превосходство другим способом.

— Не надо, — повторила я, хотя сама не верила своим словам.

Глеб ухмыляется, понимая, что выиграл. Он делает шаг назад и тихо прикрывает дверь подсобки, погружая нас в полумрак. Запах его парфюма становится невыносимо близ-

ким.

— Ну так что, Аня? Чего ты хочешь? Хочешь быть послушной девочкой?

Он встает совсем близко, упираясь ладонями в стеллаж по обе стороны от моей головы.

— Покажи мне, как сильно ты умеешь подчиняться. Убеди меня, что ты усвоила урок.

Я смотрю на него, моё дыхание становится частым и рваным. Внутри меня бушует война между разумом, который кричит «беги», и темным, порочным желанием, которое заставляет меня покориться его воле. Я знаю, что делаю ошибку. Я знаю, что буду жалеть об этом уже через десять минут. Но прямо сейчас его властный взгляд и эта опасная игра не оставляют мне выбора.

— Хорошо... — тихо шепчу я, сдаваясь.

На его губах появляется злая, торжествующая ухмылка. Он знает, что победил. И я медленно подчиняюсь этой темной силе, падая в эту бездну с головой...

Глава 8

Глеб

Я вовсе не планировал оказаться в таком положении: прижатый спиной к стеллажам в подсобке возле бассейна, пока Аня Виноградова так безоговорочно сдаётся во власть нахлынувшей страсти. По правде говоря, я рассчитывал сначала выдержать паузу и немного подразнить её. Девушек всегда заводит, когда их слегка игнорируют. Сперва я хотел заманить её к себе в кабинет, потом — в машину, а может, и до моей спальни дело дошло бы. Соблазнить Аню не составило бы ровного счёта никакого труда.

Но я совершенно не ожидал увидеть, как этот первокурсник с кубиками пресса на животе крутится возле неё.

Проблема не в том, чтобы привлечь внимание Ани. Проблема — удержать его. Видеть, как она флиртует с этим мальчишкой, задело меня так, как я сам от себя не ожидал. Она ведь готова пойти за каждым, кто покажется ей подходящим, а я не могу позволить ей получить желаемое от кого-то другого. Не тогда, когда на кону стоит слишком многое. С Геной я ещё мог вести себя безразлично, но истина проста: Аня легко отвлекается, да ещё и терпеть меня не может. Пришлось вмешаться и взять всё в свои руки.

— Тише, не торопись, — тихо приказываю я, положив ладонь ей на затылок и задавая нужный ритм.

Её плечи напрягаются, но она подчиняется. Жаждающие, торопливые движения сменяются глубоким, нежным и неторопливым дыханием. Я невольно выдыхаю:

— Умница...

Не удержавшись, я опускаю взгляд. Настоящий романтический фильм, не иначе: гордая красавица, которая ещё пять минут назад готова была испепелить меня взглядом, теперь беспомощно тает в моих руках. Её пышные рыжие волосы распустились, собравшись на затылке в небрежный узел. Я запускаю пальцы в эти шелковистые пряди и слегка потягиваю их назад.

— Смотри на меня, — шепчу я, желая видеть её лицо и эти пылающие карие глаза. — Вот так, правильно.

Её взгляд вспыхивает упрямством и непокорностью, но она не отстраняется. Она может сколь угодно делать вид, что ненавидит меня, но её тело говорит об обратном.

Моё сердце бешено стучит в груди. Я слышу её прерывистое, взволнованное дыхание, раздающееся в тишине подсобки. Опустив руку, я касаюсь её тонкой талии, ощущая, как дрожит её кожа. Снаружи, за тонкой дверью, в любой момент может пройти тренер Валерий Александрович, но это лишь добавляет остроты.

Я разворачиваю её к себе спиной и мягко прижимаю к стеллажу. Аня тихо ахает, её дыхание сбивается:

— Ты сумасшедший, Вилков...

— Возможно, — ухмыляюсь я, перехватывая её запястья

и удерживая их, чтобы она не вырывалась. — Зато с тобой по-другому нельзя. Стоишь тут, вся из себя неприступная, а сама дрожишь как осиновый лист.

— Замолчи! — шипит она, но её щёки пылают ярким румянцем, а длинные ресницы трепещут. — Если нас кто-то увидит, я тебя лично придушу!

— Не увидит, если будешь вести себя тихо, — шепчу я ей прямо на ушко, чувствуя, как по её коже пробегает волна мурашек.

На её мягкой коже всё ещё видны лёгкие следы моих прошлых поцелуев и объятий — аккуратные, темнеющие отметины, словно знак того, что эта строптивая девчонка принадлежит только мне. Настоящая демоница из Академии «Олимп», которая умеет только портить мне нервы, но сейчас полностью в моей власти.

— Подожди... — сбивчиво шепчет она, упираясь ладонями в деревянную полку. — Ты ведь... ты ведь серьёзно?

— Абсолютно, Виноградова, — ответил я, сжимая её в объятиях и окончательно теряя контроль над собой.

Её тихий, сдавленный вздох тонет у меня в груди. Я не могу действовать слишком резко, хотя внутри всё горит огнём — нужно соблюдать осторожность, чтобы никто в комплексе ничего не заподозрил. Но каждый её тихий стон, каждое движение её тела заставляют меня забыть обо всём на свете.

Я склоняюсь к её плечу, уткнувшись носом в шелковистую кожу, и оставляю ещё один нежный, но осязаемый по-

целуй, заставляя её вздрогнуть. Аня выдыхает, её пальцы крепче впиваются в края стеллажа, а ноги подкашиваются от нахлынувшей волны чувств.

— Ну что, нравится? — тихо смеюсь я ей на ухо, ощущая, как она буквально тает в моих руках. — А говорила, что терпеть меня не можешь.

Она оборачивается ко мне и дарит мне пылающий, возмущенный взгляд, хотя в её глазах читается полное блаженство:

— Почему ты вечно кусаешься, как дикий пёс?!

Я лишь пожимаю плечами, поправляя одежду и приводя себя в порядок:

— А почему ты каждый раз реагируешь так, будто тебе это не нравится?

Её глаза вспыхивают, но ответить ей нечего. На её щеках горит яркий румянец, а дыхание всё никак не восстановится.

— Удачи тебе разобраться с этим, Виноградова, — ухмыляюсь я.

Я выскальзываю из подсобки, оставляя её в тишине и приятном замешательстве.

— Вилков! Стой! Ты куда пошёл?! — доносится вслед её возмущённый, но такой родной шёпот.

Я зацепляю пальцами два пуговичных края на воротнике и раздражённо дергаю: в этом клубе требуют обязательный галстук, хотя с таким же успехом можно было сразу накинуть петлю на шею. Всё равно приятнее. Я узнаю нескольких лю-

дей из местной «элиты», пока иду к окнам; они одаривают меня взглядами разной степени презрения. Двадцать минут назад я попросил администратора передать отцу, что я здесь.

И где он, спрашивается?

На мои звонки, сообщения и письма отец не отвечает, а въезд в наше семейное поместье для меня теперь закрыт. Так что заскочить в этот закрытый клуб — единственный способ хоть как-то выйти с ним на связь. Судя по выражению лица портье, я и здесь уже персоне нон грата. Ситуация становится всё веселее.

Я опёрся локтем о стойку, стараясь игнорировать привычную изжогу и неприятную тяжесть в желудке. Препараты от желудка у меня почти закончились, нормально я сегодня ещё не ел, да и одно присутствие в этом месте подталкивает к бунту. За огромным панорамным окном видна огромная терраса с видом на летний ресторан. Я сам любил приходить сюда во время обеденного перерыва, и, похоже, сегодня у половины города возникла та же мысль.

Отец. Даниил Волков. Андрей Максимович Сивов. И...
Аня Виноградова.

Я аж замер, перепроверяя, не показалось ли мне.

Они сидят за небольшим уютным столиком в тени старого дуба. Аня задумчиво ковыряет трубочкой лёд в своём холодном чае, но её взгляд прикован к мужчине напротив. К отцу Максима.

«Вот же хитрая лиса», — усмехаюсь я про себя и подхожу

ближе к стеклу.

В этом городке едва ли найдётся кто-то более искушённый в светских интригах и манипуляциях, чем Андрей Максимович Сивов. Человек-легенда, на которого в молодости равнялись все местные золотые мальчишки. Отец Максима умеет очаровывать людей, это ни для кого не секрет. Старая городская шутка гласила: никогда не оставляйте своих девушек или жен наедине с Сивовым-старшим. И вот она сидит здесь и спокойно обедает с ним!

Впрочем, чему я удивляюсь? По дороге сюда я видел на стене большую галерею фотографий с участницами предстоящего Бала Дебютанток. Я уже однажды сопровождал туда одну из местных красавиц — жуткая претенциозная скука, хотя сама вечеринка вышла ничего. Но яркая вспышка рыжих волос среди блондинок сразу привлекла моё внимание. Аня Виноградова. Дебютантка. Я бы дорого отдал, чтобы посмотреть, как она будет шествовать по сцене в своём невинном белом платье. Какая ирония!

Сейчас Аня о чём-то оживленно говорит, слегка подавшись вперёд, а Андрей Максимович слушает её с нескрываемым интересом. На ней всё ещё академическая форма: юбка в клетку, облегающая блузка с символикой «Олимпа». Кончик её носика чуть покраснел, а глаза блестят так, будто она совсем недавно всплакнула. Но она умело делает вид, будто просто устала.

Андрей Максимович кивает на её слова с самым пони-

мающим и сочувствующим видом. Ну да, конечно. Великий благотворитель и слушатель.

Меня аж передергивает.

Я провёл рукой по волосам и сжал челюсти. Градус игры повышается быстрее, чем я думал. Ещё и суток не прошло с тех пор, как эта девчонка дрожала в моих руках в подсобке у бассейна, а сейчас она мило беседует с главным влиятельным человеком района. Не промах, ничего не скажешь!

Я продолжаю мерить их мрачным взглядом, когда ко мне наконец возвращается администратор.

— Глеб, — произносит он с абсолютно непроницаемым лицом. — Ваш отец не сможет вас принять. Поскольку клуб предназначен только для действительных членов, я вынужден просить вас удалиться.

Он с выражением легкого превосходства указывает рукой в сторону выхода.

Я смотрю на него в упор, не мигая:

— Серьёзно?

— Прошу прощения, сударь, — сухо добавляет он.

«Сударь»? Серьёзно?! Годами меня в этом заведении звали исключительно Глеб Николаевич. Похоже, теперь статус главного наследника окончательно перешёл к Сергею.

Я одариваю портье холодным, просчитанным взглядом. Особого теплого приёма я и не ждал, но то, что меня выставляют у дверей, — это уже слишком. Если отец чего и терпел меньше всего на свете, так это публичных сцен. А устроить

сцену — это прямо по моей части.

Итак, вот каков расклад: семья объявила мне бойкот, из клуба выставляют, даже собственной фамилии лишили.

Расправив пиджак, я разворачиваюсь и иду к выходу. Но не для того, чтобы уйти, а чтобы пройти на террасу. На улице прекрасный день — солнечно, свежо, лёгкий прохладный ветерок. Отличная погода для того, чтобы немного испортить праздник местной знати.

Я не останавливаюсь, точно зная, что буду делать. Парадный газон идеально подстрижен, пышные кусты живой изгороди закрывают боковой проход к террасе. Я без зазрения совести шагаю прямо по аккуратной клумбе, сминая ботинками пышные пионы, и легко перемахиваю через низкую кованую калитку. Калитка заперта, но защёлка поднимается за секунду.

Пожилая пара за ближайшим столиком смотрит на меня с крайним осуждением. Игнорируя их, я шествую между столами, не обращая внимания на шепотки и нарастающее напряжение вокруг. О, слухи о моём изгнании уже облетели весь посёлок, не так ли?

Мой взгляд прикован к цели: отец и два его деловых партнёра.

Проходя мимо соседнего столика, я ловким движением забираю с чужого подноса бокал с цитрусовым фрешем, не обращая внимания на возмущённый возглас ошеломлённого гостя. Подхватываю свободный стул идвигаюсь к столику

отца.

Поставив стул, я вальяжно опускаюсь в него:

— Добрый день, господа.

Отец с вилкой в руке замирает над кусочком семги, его лицо вытягивается от изумления. Но уже через секунду изумление сменяется привычным раздражением:

— Как ты сюда пробрался?

Я делаю глоток фрэша:

— На входе пропустили, — нагло вру я. Прощай, работа бедняги-портье. — А что, мне здесь не рады?

Отец морщится, оглядывая мой помятый вид:

— Я бы сказал, что рад тебя видеть, но это будет враньем. Ты выглядишь так, будто не спал трое суток, да и этот костюм... — Он брезгливо ведёт носом.

Я опускаю взгляд на пиджак и делаю вид, что разглаживаю складку:

— Да вот, странное дело... Наша химчистка почему-то больше не принимает мои вещи. Словно кто-то отдал им особый приказ.

Отец мастерски умеет выжигать всё вокруг себя дотла.

Он вытирает губы льняной салфеткой и бросает её на стол:

— Чего ты хочешь?

Я не тороплюсь с ответом, наслаждаясь тем, как неловко чувствуют себя его компаньоны.

— Да вот, зашел передать, — я достаю из кармана неболь-

шую бархатную коробочку и кладу её на скатерть. — Подарок на день рождения для мамы.

Отец смотрит на коробочку без малейшего интереса:

— День рождения твоей матери был шесть недель назад.

— Ой. Бывает, — я тянусь через стол и беспечно забираю с тарелки одного из бизнесменов свежий круассан.

Оглядывая террасу, я замечаю, как отец натягивает на лицо фальшивую улыбку и тихо произносит:

— Ты устраиваешь сцену, Глеб.

— Я? Да ну, я даже не начинал! — Я пожимаю плечами и прослеживаю его взгляд. За нами с интересом наблюдают с соседних столиков.

Тогда я поворачиваюсь к столику Ани и Андрея Максимовича, поднимаю руку и с широкой ухмылкой громко чечкаю:

— О, Аня! Какая встреча! Обедаешь с господином Сивовым? Как интересно! А я-то думал, нарушать приличные нормы в этом клубе дозволено только мне!

У Ани буквально отвисает челюсть. Глаза округляются от ужаса. Её щёки мгновенно заливают яркий, пылающий румянец, и она тут же прячет лицо за копной своих рыжих волос.

Отец глубоко вздыхает, пытаясь сохранить обладание, и поворачивается к партнёрам:

— Господа, мне нужно пару минут наедине с сыном.

Дважды повторять им не приходится: суровые бизнесмены спешно поднимаются и уходят. Как только они отдаляют-

ся, отец въедается в меня тяжелым, ледяным взглядом:

— Охрана будет здесь через минуту. И тогда тебя вышвырнут отсюда с треском. Так что говори, зачем пришёл, пока у тебя есть время.

— А стоит ли оно того? — я откладываю недоеденный круассан. — Наставлять уму-разуму избалованных деток в бассейнах академии, пока их богатые родители заняты собой — не самое лучшее применение моим талантам.

Отец снисходительно усмехается:

— И о каких же талантах речь? О том, что ты чуть не вылетел из академии, едва не получил судимость и остался ни с чем на выпускной год? — Он делает глоток из своего бокала. — Ах да, я чуть не забыл про твои карточные долги. Единственный «талант», который я в тебе вижу, — это умение спускать мои деньги и моё влияние в канализацию. Ты — моё самое дорогое и бессмысленное разочарование.

Он откидывается на спинку кресла и делает неопределённый жест рукой:

— Если это все твои «навыки», то ты просто катастрофа, а не сын.

Я резко поднимаюсь со стула, возвышаясь над ним. Мои кулаки сжимаются сами собой, а в животе всё завязывается в тугой узел от глухой, выжигающей обиды.

Вокруг нас люди начинают беспокойно оглядываться. Краем глаза я вижу, как к террасе уже торопятся двое охранников. Но я не могу оторвать взгляда от холодного, равно-

душного лица отца.

— Думаешь, человек с проблемами с законом может нормально вести секцию плавания в элитной академии? — сурово произносит он, отправляя в рот кусочек рыбы. — Ты лишь в очередной раз доказал то, что я знал всегда: ты слишком избалован и не способен оценить то, что тебе давалось. Ты не умеешь бороться умными методами. Вот твой брат Сергей — тот умеет вести игру. Он действует разумом, стратегией, рычагами давления. Он знает: как только ты теряешь контроль над собой и поддаешься эмоциям — ты проиграл. У него никогда не бывают разбиты кулаки. У него под контролем абсолютно всё. А у тебя?

В этот момент мне больше всего на свете хочется просто врезать ему по этой ухоженной, сытой физиономии.

Но прежде чем я успеваю сделать шаг, на моё плечо ложится тяжёлая, уверенная ладонь.

— Полегче, парень, — тихо, но предостерегающе произносит подошедший Андрей Максимович Сивов. — Не стоит устраивать здесь скандал.

Я прослеживаю его взгляд и замечаю приближающихся охранников. Обернувшись к отцу, я сквозь зубы процеживаю:

— Мне нужно знать про «Демонов Академии Олимп».

Губы отца искривляются в презрительной ухмылке:

— И ради этого ты сюда приперся? Задавать глупые вопросы про какое-то детское тайное общество? И что с ними

не так?

— Поговаривают, они снова подали голос, — чеканю я.

— Значит, ума у них по-прежнему не прибавилось, — бурчит он, возвращаясь к своей семье. — Хотя развал этой шарашки, пусть и косвенный, — единственный полезный поступок, который ты совершил за всю жизнь.

Один из охранников останавливается рядом и кивает в сторону калитки:

— Вам пора идти, Глеб.

— Я ещё не закончил! — отрезаю я, не шелохнувшись.

Андрей Максимович осторожно тянет меня за локоть, тихо шепча на ухо:

— Оставь, сынок. Не надо.

Я с силой выдергиваю руку и резко поворачиваюсь к нему:

— Я вам не сынок!

А затем перевожу взгляд на отца и тычу в его сторону пальцем:

— Я — твой сын! И ты не сможешь просто так лишиться меня моей фамилии!

Ловко обогнув охранника, я марширую через всю террасу, спиной ощущая на себе шокированные взгляды и плохо скрываемый, ядовитый шепот. Стадо. Обычное трусливое стадо.

Проходя мимо столика Сивова, я замечаю, как Аня Виноградова торопливо собирает свои вещи. Встав из-за стола, она бросает на меня темный, полная гнева взгляд.

— Довольна теперь? — рычу я, даже не думая останавливаться, чтобы выслушать её ответ.

Я вылетаю с террасы тем же путём, каким пришёл — мимо ошеломленной пожилой пары и через боковую калитку. Плотнo прижавшись спиной к холодной каменной стене здания, я выжидаю, пока охранники проедут мимо на своём разряженном гольф-каре.

Едва гул мотора затихает, я выбираюсь из клумбы прямо на тротуар. Сжав кулак, я со всей силы прижимаю его к животу, пытаюсь перевести дыхание и заглушить адскую, выжигающую изнутри боль. Наталья Сергеевна, наша управляющая, всегда твердила, что у меня, скорее всего, язва от постоянных нервов. Но так паршиво мне не было ещё никогда. Боль скручивает настолько сильно, что лицо само собой искажается в гримасе.

— Ему просто нужно время.

Я резко вскидываю голову на голос.

Андрей Максимович Сивов стоит неподалёку, крутя в пальцах старую жестяную зажигалку, от которой тянется сильный, тяжелый запах папирос.

Я прищуриваюсь и выпрямляюсь, пересиливая рези в животе:

— Что вы сказали?

— Твой отец. Ему нужно время, — повторил он, спрятав зажигалку в карман и тихо вздохнув. — Поверь, я знаю, о чём говорю. Мне тоже потребовалось время, когда Максим

наломал дров. Смотреть, как твой собственный ребёнок рушит свою жизнь — это адская мука. В первую очередь потому, что глубоко внутри ты понимаешь: в этом есть и твоя вина.

Я горько усмехаюсь:

— Вы совсем не знаете моего отца, Андрей Максимович. Он никогда и ни в чём себя не винит.

Сивов лишь пожимает плечами:

— Дай ему время. И немного пространства. — Он оглядывает меня с ног до головы критическим взглядом. — А ещё возьми себя в руки, Глеб. Докажи ему, что ты не конечный неудачник, каким он тебя считает.

Я качаю головой, расплываясь в горькой, саркастичной улыбке:

— А вот тут вы ошибаетесь. Я именно тот неудачник, каким он меня считает. Ну и что с того, а? Это я, — я развожу руки в стороны, словно показывая себя во всей «красе». — Настоящий. Такой, какой есть.

— Ты — «Демон», — тихо, но твёрдо произносит Сивов. — А «Демоны» никогда не были идеальными. Чёрт возьми, да у каждого из нас полно проблем! Но при этом мы сильные. Влиятельные. Умные. И если ты об этом забыл, это ещё не значит, что ты перестал быть одним из нас. Твой отец... — он мельком оглядывается на террасу, — больше не «Демон». Он уже не поймёт.

— А вы, значит, понимаете? — сомнением переспраши-

ваю я.

Он ничего не отвечает. Лишь разворачивается и неторопливо шагает прочь по аллее.

Я невольно провожаю его взглядом, и в голове мелькает странная, нелепая мысль: каково это — иметь отца, который способен просто выслушать? Отца, который понимает, что ты — самостоятельная личность, а не его бледная копия?

Я издаю мрачный, короткий смешок.

Даже сейчас, когда отец официально отрёкся от меня и выставил за дверь, одно остается неизменным: я всё ещё на-мертво привязан к нему и к этой фамилии. И изменить это, похоже, не в моих силах.

Глава 9

Аня

Единственная вещь, спасающая меня от погружения в тёмную бездну самоедства — это то, что я сижу на уроке всемирной истории и слушаю Александра Викторовича Дроздова, который с воодушевлением рассказывает о Французской революции. Александру Викторовичу едва за тридцать, он чертовски привлекателен, и у него очень красивые, ухоженные руки. Он много жестикулирует, и я ловлю себя на том, что заворожённо слежу за его движениями. Чем он занимается в свободное время? Играет на пианино? Занимается живописью? На его безымянном пальце блестит золотое обручальное кольцо, но я заставляю себя прогнать эту мысль. Интересно, насколько сложно влюбиться в себя учителя? Хотя у меня всё равно никогда не хватит на это дерзости — особенно после того, что произошло между мной и отцом Максима.

Но эти навязчивые, дикие мысли просто невозможно остановить. На втором курсе я специально перевелась с уроков ИЗО, потому что не могла сосредоточиться на предмете: моё чересчур буйное воображение полностью переключалось на то, как двигается преподаватель. Всё дошло до того, что я вообще перестала усваивать материал. После отказа от искусства мои оценки хоть немного выровнялись. А теперь

меня отвлекает случайная встреча с Глебом в клубе пару часов назад.

Тихий стук в дверь кабинета прерывает и Александра Викторовича, и мои не самые скромные фантазии. На пороге появляется первокурсница в очках с запиской в руках.

— Из кабинета директора, — произносит она, передавая бумажку учителю.

Александр Викторович разворачивает её, бегло пробегает взглядом и смотрит прямо на меня:

— Аня Виноградова.

По классу тут же проносится шепоток и хихиканье. Вспыхивают гадания, зачем меня вызывают к директору. Никому не хочется попасть на ковер к Белых, и мне в том числе. Особенно учитывая, что я ничего не сделала.

— Собери вещи, — добавляет Александр Викторович.

Я поднимаюсь и беру записку из его рук:

— Спасибо.

Девочка, принёсшая записку, торопливо шагает по коридору перед мной.

— Эй, — окликаю я её. Она испуганно оглядывается. — Знаешь, в чём дело?

Она поправляет очки на носу:

— Нет, просто сказали передать. Извини.

Я вздыхаю:

— Ладно, спасибо.

Кабинет директора Алексея Владимировича Белых нахо-

дится в конце коридора, рядом с комнатным изолятором. Я делаю глубокий вдох и стучусь.

— Войдите.

Я осторожно переступаю порог. Меньше всего на свете мне хочется неприятностей из-за какой-нибудь глупости, особенно в начале года, накануне Бала Дебютанток и на фоне слухов о выходе Глеба в клубе. У моей мамы будет настоящий удар.

Однако за директорским столом сидит вовсе не Алексей Владимирович. В кожаном кресле развалился Глеб Вилков, постукивая длинными пальцами по подлокотнику. Моё сердце делает нервный кувырок.

— Закрой дверь, — бросает он.

Я замираю:

— Ты что здесь делаешь?

Его холодные глаза въедаются в меня:

— Я что, заикаюсь? Закрой дверь.

Я порываюсь уйти, но что, если директор знает, что он здесь? Что, если у меня действительно проблемы? Глеб теперь входит в студенческий совет, а значит, вполне может вклеить мне взыскание. Подавив вспышку возмущения, я прикрываю дверь. Гулкий щелчок замка заставляет всё внутри сжаться.

Глеб откидывается на спину:

— Теперь я получаю служебные записки официально. Алексей Владимирович на совещании до пяти.

Напряжение немного спадает, когда я понимаю, что происходит:

— То есть ты просто занял его кабинет, чтобы поиздеваться надо мной?

— Поиздеваться? — Его губы искривляются в язвительной ухмылке. — Ты любишь громкие слова, Виноградова.

Я скрещиваю руки на груди:

— А разве я не права?

— Ну раз ты так поставила вопрос... — Он берет со стола тяжелое папье-маше и перекладывает из руки в руку. — Что у тебя с Андреем Максимовичем Сивовым?

— Ничего.

— Не похоже, — продолжают гнуть своё Глеб, даже не слушая. — Он же главный местный покровитель. Да, ему за сорок, он друг твоего отца, слегка прожженный жизнью, но статус есть статус. Я от тебя такого не ожидал. Хотя... какая симпатичная девушка откажется от внимания такого влиятельного мужчины?

— Я же сказала, мы просто разговаривали!

Игнорируя мои слова, он подаётся вперёд с наигранным сочувствием:

— Но тебе же всего девятнадцать... исполнилось пару месяцев назад? И этот обед выглядел куда романтичнее, чем простая встреча. Что это значит, Аня?

— Это значит, что мы просто обедали!

— Или он начал крутить с тобой, или Андрей Максимо-

вич из тех папиков, которые смотрят на дочек своих знакомых. — Он морщится. — Мерзость какая.

Я закатываю глаза, выдерживая паузу:

— Ты закончил?

Он медленно поднимается. Кресло отъезжает назад. Обходя стол, он приближается ко мне, словно хищник перед прыжком. К сожалению, я не успеваю вовремя отступить. Прежде чем я успеваю сообразить, его ладонь упирается в стену возле моей головы, а пальцы другой руки цепляются за пояс моей юбки, слегка оттягивая её вниз.

— Посмотри, — чеканит он, глядя мне прямо в глаза.

Я вздрагиваю — не от страха, а от неожиданности. Тася была права: держаться поближе к Глебу — паршивая идея. Каждый раз, когда он оказывается так близко, я вижу напряжение в его руках, его уверенную, холодную осанку. Его взгляд буквально прожигает меня насквозь, пробуждая глубоко внутри нечто опасное и неуправляемое.

И я знаю, что это нечто требует продолжения.

Сглотнув, я опускаю взгляд. Синяки на моем бедре уже начинают бледнеть, но всё ещё остаются заметными. Я отвожу глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

— Тебе же понравилось, — его голос звучит тихо и уверенно.

— Нет, — отвечаю я, качая головой.

— Врушка. — Он слегка сжимает пальцы прямо на темнеющем следе, заставляя меня вздрогнуть. — Тебе безумно

понравилось.

Я пытаюсь сдерживать рваный вдох, зафиксировав взгляд на его подбородке:

— Мне нравилась страсть, а не то, как жестоко ты себя вёл. На моём месте могла быть любая.

— Ты правда в это веришь? — Он смеётся тихо, беззаботно. — Это лучшее, что с тобой было, и ты это знаешь.

Я пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение и поднимаю бровь:

— Ого, Вилков, а скромности тебе не занимать.

— Если факт очевиден, зачем скромничать? — парирует он. — Проблема в том, что я не привык делить своё с кем-то ещё. Тем более с престарелыми любителями юных девушек вроде Сивова.

Я свирепо смотрю на него:

— Ты ничего не знаешь об Андрее Максимовиче.

Его челюсти сжимаются, а пальцы впиваются чуть сильнее:

— Я знаю, что не собираюсь подбирать за кем-то обноски.

Но в одном Глеб ошибается. Прошлым летом на вечеринке у бассейна Максима я действительно попыталась обратить на себя внимание Сивова-старшего. Это был не самый лучший период в моей жизни — у всех бывают взлёты и падения, и тот день точно был падением. Андрей Максимович казался таким взрослым, статным, солидным... От одной мысли о его руках меня бросало в дрожь. Я нашла его в кабине-

те, где он читал что-то с планшета, и попыталась сделать шаг навстречу. Все знали, что у Максима непростые отношения с отцом, а я знала, как выгляжу в своём открытом купальнике. Даже «Демоны Академии Олимп» обратили на меня внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.